

005051905

На правах рукописи

ЛАВРЕНТЬЕВ Виталий Александрович

**КАТЕГОРИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО ЛИЦА
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

18 АПР 2013

Москва 2013

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

Научный консультант – Колесникова Светлана Михайловна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Сигал Кирилл Яковлевич,
доктор филологических наук, профессор
(Институт языкознания РАН, ведущий научный
сотрудник, заведующий Отделом эксперимен-
тальных исследований речи)

Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный областной
университет, профессор кафедры современного
русского языка)

Алтабаева Елена Владимировна,
доктор филологических наук, профессор
(Российский аграрный университет имени
К.А. Тимирязева, профессор кафедры связи
с общественностью и речевых коммуникаций)

**Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Государственный институт
русского языка имени А.С. Пушкина»**

Защита состоится «10» апреля 2013 г. в 14 ч. на заседании диссертацион-
ного совета Д 212.136.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени
доктора филологических наук при ФГБОУ ВПО «Московский государствен-
ный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова» по адресу: 109240,
Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16-18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МГГУ
имени М.А. Шолохова по адресу: Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16-18.

Автореферат разослан « 1 » марта 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

С.Ф. Барышева

Синтаксическое лицо признается одним из основных грамматических признаков предложения, однако в русистике нет фундаментальных исследований, посвященных анализу исключительно данной категории.

При обилии литературы сугубо научного и учебно-методического характера окончательно не решены вопросы о способах выражения лица и его семантики, о соотношении понятий «лицо» – «субъект» – «деятель», о дифференциации понятий «морфологическое лицо» и «синтаксическое лицо», о разграничении двусоставных и односоставных предложений; не решен вопрос о включении лица в состав предикативных категорий.

В современной лингвистической науке под **синтаксическим лицом** понимают: «соответствие субъекта-носителя действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, одному из трех лиц участково-неучастников общения» [Золотова 1973: 158]; «отнесенность содержания предложения к самому говорящему, к собеседнику или к третьему лицу» [Лекант 1971: 44]; «объединение трех структурных элементов: 1) лица говорящего, 2) лица познающего и 3) лица определяемого» [Букаренко 1975: 186]; «разнообразные средства выражения отношения к лицу в связи с предикативностью, такие как интонация побуждения, просьбы, упрека, особые модели предложения и т.д., обобщаемые категориально на основе семантико-синтаксического подобия» [Ахманова 2007: 191]; «компонент языковой семантики, характеризующийся семами «говорящий», «слушающий», «не участвующий в речи» и имеющий формальные средства выражения» [Кондратьева 1994: 329].

Таким образом, **актуальность** проблемы обусловлена назревшей необходимостью целостного анализа категории синтаксического лица, обобщением многочисленных частных исследований.

Объектом данного диссертационного исследования является категория синтаксического лица.

Предметом анализа выступают категориальные признаки и особенности синтаксического лица, которые проявляются на разных уровнях языковой системы, отражаются в специализированных морфологических формах и специализированных синтаксических конструкциях и выражают совокупность языковых значений, соотносимых с персональной семантикой.

Цель исследования – представить целостную концепцию синтаксического лица как многоаспектной категории и обосновать специфику репрезентации данной категории в современном русском языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1. Проследить историю изучения категории лица от первых русских грамматик; критически осмыслить и обобщить имеющиеся в лингвистике исследования по данной проблеме.

2. Представить синтаксическое лицо как многоаспектную структурно-семантическую категорию, объединяющую разноуровневые средства (лексические, морфологические, синтаксические, интонационные), представляющие собой поле, на основе единой грамматической семантики.

3. Мотивировать статус категории синтаксического лица, принимая во внимание тот факт, что синтаксическая семантика – это в первую очередь семантика отношений.

4. Исследовать объективный и субъективный планы категории синтаксического лица, определить специфику дейктического и агентивного значений синтаксического лица и охарактеризовать средства их выражения.

5. Рассмотреть и описать предикативные и непредикативные значения синтаксического лица.

6. Показать взаимодействие между средствами выражения синтаксического лица, возможность варьирования, гибкость различных языковых форм; выявить условия использования определенных способов выражения категории синтаксического лица.

7. Четко дифференцировать понятия «морфологическое лицо» – «синтаксическое лицо», «лицо» – «личность-безличность», «лицо» – «субъект» – «агенс», «грамматический субъект» – «семантический субъект».

8. Проанализировать конструкции, совмещающие различные значения субъекта-агенса (определенность и обобщенность, определенность и неопределенность, неопределенность и обобщенность, личность и безличность).

Основная гипотеза данного научного исследования сводится к тому, что синтаксическое лицо – это многоаспектная объективно-субъективная категория, которая в сочетании с синтаксическим временем и модальностью формирует предложение как основную синтаксическую единицу; сущность синтаксического лица определяется связью означаемого (говорящего, собеседника или третьего лица) и означающего (морфологических, лексико-грамматических, морфолого-синтаксических, конструктивно-синтаксических и интонационных средств русского языка), что позволяет считать синтаксическое лицо структурно-семантической категорией.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория синтаксического лица принадлежит предложению, а не его отдельным элементам и проявляется (эксплицитно или имплицитно) в любом предложении, то есть является обязательной составляющей.

2. Синтаксическое лицо относится к категориям, формирующим предикативность, однако ее сущность не сводится только к выражению предикативности, поскольку внутри категории синтаксического лица выделяются и непредикативные значения.

3. Синтаксическое лицо опирается в предложении на лицо морфологическое (словоизменительную категорию лица глагола, лексико-грамматическую категорию лица местоимения и лексико-грамматическую категорию лица (личности) имени существительного), однако по своей грамматической природе отличается от соответствующих морфологических категорий значением, средствами выражения, многоаспектностью и др.

4. Категория синтаксического лица имеет два плана: объективный и субъективный, каждый из которых обладает системой средств выражения. Объективный план отражает отношения без их оценки говорящим, то есть совпадает с реальным положением дел; субъективный – репрезентирует позицию говорящего, его точку зрения на объективно устанавливаемые отношения, отмеча-

ет авторство. Лицо является элементом предложения, формирующим его диктумно-модусную организацию.

5. Средства выражения категории синтаксического лица вступают в сложное взаимодействие и функционально дополняют друг друга, образуя поле моноцентрического типа: в ядерной зоне поля синтаксического лица находятся формы именительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица и глагольные формы 1-го и 2-го лица; к околядерной зоне относятся косвенные формы личных местоимений, притяжательные местоимения, имена существительные в роли обращений, имена существительные со значением лица, употребленные в роли подлежащего в активных конструкциях или субъектного дополнения в пассивных конструкциях.

6. Периферийная зона, которую составляют неличные имена существительные, местоимения и глагольные формы 3-го лица при указании на нелицо, неперсональные местоимения, модальные слова, частицы, междометия, интонация, конструктивно-синтаксические средства, отличается многозначностью и полифункциональностью. Значения отмеченных элементов поля актуализируются в условиях контекста, речевой ситуации, коммуникативной целеустановки. Крайней точкой периферии является абсолютно-бессубъектная безличность.

7. Дейктическое значение синтаксического лица присуще всем предложениям русского языка, основывается на оппозициях «адресант» (1-е лицо) – «адресат» (2-е лицо) / «участник речи» (1-е и 2-е лица) – «неучастник речи» (3-е лицо); в результате нейтрализации противопоставления по лицу возникает обобщенноличность, а при отсутствии противопоставленности – безличность. Каждое из дейктических значений синтаксического лица имеет свои специализированные показатели и средства репрезентации; при указании в предложении на несколько грамматических лиц лишь одно, выражаемое элементами грамматической основы, является предикативным.

8. В современном русском языке выделяются *агентивные* и *дезагентивные* предложения: к *агентивным* относятся конструкции, отражающие отношение «действие и его производитель», сам же субъект-агента представляется конкретно, неопределенно или обобщенно, при этом во внимание принимаются не только предикативные значения синтаксического лица; *дезагентивными* являются двусоставные предложения с составным именным сказуемым, отдельные типы безличных, номинативных и генитивных односоставных предикативных единиц, не отражающие отношения «деятель – действие». Деление предложений на агентивные и дезагентивные не совпадает с делением на личные и безличные.

9. Значение определенности лица-деятеля выражают двусоставные, определенно-личные, безличные и инфинитивные предложения, в структуре которых эксплицитно или имплицитно дается указание на конкретный источник действия. Односоставные определенно-личные конструкции – это отдельный структурно-семантический тип простого предложения, имеющий свою структурную схему – $V_{\beta/2}$.

10. Значение неопределенности лица выражается лексически и грамматически; изосемическим средством реализации семантики неопределенности

агенса являются односоставные неопределенно-личные предложения. Степень неопределенности агенса носит градуальный характер, в связи с чем выделяются собственно-неопределенно-личные, отстраненно-неопределенно-личные и относительно-неопределенно-личные предикативные единицы.

11. Значение обобщенности лица выражают односоставные и двусоставные конструкции, в которых нейтрализовано противопоставление по линии лица: к ядерным средствам относятся односоставные обобщенно-личные предикативные единицы с формами 2-го лица единственного числа индикатива и императива, периферия же обобщенноличности практически безгранична. Обобщенно-личные конструкции – это отдельный структурно-семантический тип простого предложения, имеющий свою структурную схему – V_{fl-3} . С учетом контекста и ситуации односоставные обобщенно-личные предложения делятся на собственно-обобщенно-личные и отстраненно-обобщенно-личные.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проведен комплексный, многоаспектный анализ категории синтаксического лица с учетом положений структурно-семантического, функционально-семантического и коммуникативного подходов и представлена целостная концепция исследуемой категории; доказано, что категория синтаксического лица имеет предикативный статус, но выражает и непредикативные значения; установлено, что лицо является важным атрибутом структурной схемы; дополнен список структурных схем простого предложения; уточнено и расширено поле синтаксического лица; исследованы все прямые, расширительные и переносные значения личных форм глагола и местоимений; четко дифференцированы понятия «морфологическое лицо» и «синтаксическое лицо»; выделены и описаны разновидности неопределенно-личных (собственно-неопределенно-личные, отстраненно-неопределенно-личные, относительно-неопределенно-личные) и обобщенно-личных (собственно-обобщенно-личные, отстраненно-обобщенно-личные) односоставных предложений; показано, что лицо, являясь объективно-субъективной категорией, участвует в формировании диктумно-модусной организации предложения; дано определение обращения с учетом соотносительности с категорией синтаксического лица; введены понятия «субъектное (агентивное) обращение» и «несубъектное (дезагентное) обращение».

Теоретическая значимость состоит в создании фундаментальной теории категории синтаксического лица, ее комплексной разработке и научном анализе, в расширении представлений о связях между лексическим, морфологическим и синтаксическим уровнями языковой системы; уточнении типологии простого предложения; выделении типов односоставных конструкций и учете промежуточных (переходных, синкретичных) случаев.

Практическая значимость заключается в возможности применения теоретических выводов в практике вузовского преподавания: при разработке и чтении основных курсов (современный русский литературный язык, культура речи, стилистика), а также при разработке и чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров. Языковой материал, извлеченный из различных текстов, может быть использован к качестве иллюстративного при обучении морфологии, синтаксису, стилистике в вузе и школе. Сведения, представленные в диссертации, будут полезны при обучении русскому языку как иностранному, что весьма актуально

в условиях современной языковой и речевой ситуации. Результаты исследования могут быть учтены в ходе составления грамматических словарей. Теоретические положения могут быть использованы при создании учебников нового поколения, в которых будут представлены не только типичные, ядерные языковые явления, но и периферийные и синкретичные образования.

Материалом исследования явились текстовые фрагменты и предложения, извлеченные из произведений различных стилей и жанров XIX–XXI вв.; в отдельных разделах использовались материалы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). В общей сложности языковой материал составил свыше 20000 предложений.

Методы. Анализ материала проводился преимущественно при помощи описательного метода в русле структурно-семантического подхода, который опирается на диалектический принцип познания языковых фактов – единство формы и содержания. Учитывая положение, что современные исследования не должны ограничиваться рамками одного направления, для многоаспектного анализа привлекался структурно-семантический как основополагающий и аспекты других «популярных» подходов: функционально-семантического и коммуникативного. Активно использовались общенаучные методы – наблюдение, интерпретация, индукция и дедукция; частные лингвистические методы – контекстуальный, дистрибутивный, анализ тождества и различий языковых явлений.

Теоретической базой исследования послужили методологические положения структурно-семантического (В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, В.В. Бабайцева, П.А. Лекант, Е.И. Диброва) и функционально-семантического (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, М.А. Шелякин) направлений; концепция предикативности (В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, С.Г. Ильенко, Г.А. Золотова, П.А. Лекант, В.В. Химик, Т.Е. Шаповалова), теории переходности и синкретизма (В.В. Бабайцева, В.Н. Мигирин), функционально-семантического поля (А.В. Бондарко, В.Г. Адмони, Г.А. Золотова, С.М. Колесникова); работы, посвященные анализу категории лица на разных языковых уровнях (А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, П.А. Лекант, Г.А. Золотова, А.Б. Копелиович, В.В. Химик, В.В. Востоков), типологии предложений (В.В. Бабайцева, П.А. Лекант, И.П. Распопов, В.Ю. Копров, К.Я. Сигал, Е.В. Алтабаева, А.В. Петров).

Апробация. Основные теоретические положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и докторантского объединении Московского педагогического государственного университета; на заседаниях кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Автор выступал с докладами на **международных конгрессах**: в Москве – «Русский язык: исторические судьбы и современность» (МГУ, 2010 г.); Ялте – «Язык и мир» (2008 – 2012 гг.); **международных научных конференциях**: в Москве – «Текст. Структура и семантика» (2001 г.), «Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное» (2007 г.), «Активные процессы в современной грамматике» (2008 г.), «Гуманитарные науки и современность» (2012 г.), «Рациональное и эмоциональное в русском языке» (2012 г.); Санкт-Петербурге –

«X Невские чтения» (2008 г.), «XI Невские чтения» (2009 г.), «XIII Невские чтения» (2011 г.); Волгограде – «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов» (2005 г.); Рязани – «Русский язык: прошлое и настоящее» (2000 г.), «Наследие академика И.И. Срезневского и славянский мир: языки, культура, образование. К 200-летию со дня рождения ученого» (2012 г.); Мичуринске – «Аспекты исследования языковых единиц и категорий в русистике XXI века» (2007 г.), «Русистика XXI века: традиции и тенденции» (2008 г.); Владимире – «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (2009 г.); **всероссийских научных конференциях**: в Воронеже – «Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников» (2004 г.); Мичуринске – «Актуальные проблемы преподавания русского языка в вузе и школе» (2007 г.); Ульяновске – «Русский литературный язык в контексте современности» (2007 г.), «Актуальные проблемы теории и практики языка и литературы» (2008 г.); Красноярске – «Язык и социальная динамика» (2012 г.).

Содержание диссертации отражено в 52 работах, среди которых 3 монографии (одна коллективная), 15 статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК РФ, и 6 статей, опубликованных за рубежом (Болгария, Украина).

Структура. Диссертация состоит из Введения, трех глав и Заключения; Списка научной литературы (более 400 наименований), Списка словарей и источников языкового материала, Приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I «Синтаксическое лицо в грамматической системе современного русского языка» начинается разделом, посвященным истории разработки категории лица в лингвистике: раскрывается становление категории лица, начиная с первых славянских грамматик и трудов М.В. Ломоносова до настоящего времени.

Глубокое описание категория лица получила в работах В.В. Виноградова, который особое внимание уделял проблеме предикативности и категориям, ее формирующим. Развивая учение о предложении, академик предлагал «отойти» от «морфологизма» и связывал понятие «предикативности» с особыми синтаксическими категориями модальности, времени и лица, которые базируются на морфологических категориях, но выходят далеко за их пределы и не зависят от наличия или отсутствия в предложении спрягаемого глагола. Именно после работ В.В. Виноградова прочно входит в научный обиход термин «синтаксическое лицо».

Дискуссии по поводу категории лица вызвало мнение о том, что предикативность формируют лишь две неразделимые категории: категория синтаксического времени и объективной модальности, а синтаксическое лицо не входит в круг предикативных категорий. Н.Ю. Шведова считает, что синтаксическое лицо обнаруживается не в каждом предложении (бессубъектные предложения типа *Светает* и т.п.), а в ряде предложений усматривает случаи «двусубъектности» (предложения типа *У тебя каждый человек способен на подвиг* и т.п.) [см.: Шведова 2005]. Такая точка зрения получила широкое распро-

странение («Грамматика-70», «Грамматика-80», «ЛЭС» (1990) и др.), однако мы вслед за С.Г. Ильенко, Г.А. Золотовой, П.А. Лекантом и рядом других лингвистов выражаем принципиальное несогласие с подобным подходом к предикативности в целом и к категории лица в частности.

Сторонники непредикативного статуса синтаксического лица полагают, что предикативность свойственна самой структурной схеме предложения, следовательно, значения объективной модальности и синтаксического времени принадлежат структурной схеме. Однако предложения *А если б вы не приехали?* (Б. Акунин) (1), *Ты ей еще гантели купи* (М. Веллер) (2), *На столике вместо обычных журналов лежали альбомы с репродукциями* (Б. Акунин) (3) построены по одной и той же модели $N_1 - V_f$, хотя содержание первых двух предикативных единиц соотносено с планом ирреальности и временной неопределенности, а содержание третьего – с планом реальности и временной определенности. С другой стороны, предложения *Донецкая дорога. Невеселая станция, одиноко белеющая в степи, тихая, со стенами, горячими от зноя, без единой тени и, похоже, без людей* (А. Чехов) (4), *Чего ты на меня так смотришь странно?* (В. Пелевин) (5), *День и ночь на корабле бдительно следят за состоянием погоды* (И. Гончаров) (6) выражают одинаковые значения объективной модальности и синтаксического времени, но построены по разным моделям: предложения (4) по схеме N_1 , предложение (5) по схеме $N_1 - V_f$, а предложение (6) по схеме $V_{\beta pl}$.

В ходе анализа структурных схем предложений перед нами встал фундаментальный грамматический вопрос, на который мы постарались ответить: «Почему в ряде структурных схем ($V_{\beta s}$, *Inf*: *Сразу слышно учащенное дыхание, и в висках начинает стучать* (Б. Акунин); $V_{\beta s}$: *В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой розжью, гречихой...* (И. Тургенев); $V_{\beta pl}$: *...если нечто раздают бесплатно, то это дрянь, с хорошей вещью просто так не расстанутся* (Д. Донцова) и др.), представленных в «Русской грамматике», отмечается именно лицо, а не «обязательные атрибуты» предикативности (модальность и время)?»

Понятие «структурная схема предложения» прочно вошло в научный обиход, однако связанные с ним вопросы нельзя считать полностью решенными, требует уточнения и сам список структурных схем.

Традиционная типология простых предложений построена с учетом различий в способах представления грамматического субъекта, что отражено в структурных схемах. Считаем, что важную роль здесь играет именно категория синтаксического лица. Рассмотрим самую продуктивную схему $N_1 - V_f$, семантика которой «отношение между субъектом и его предикативным признаком – действием или процессуальным состоянием» [см.: Русская грамматика 2005 Т. 2: 95], где N_1 – любое имя существительное (или местоимение) в именительном падеже, а V_f – любая спрягаемая глагольная форма. По данной модели строятся двусоставные предложения, в числе которых, как считают авторы «Русской грамматики», и определенно-личные предложения, рассматриваемые как «конситуативно необусловленные неполные реализации» названной схемы [см.: Русская грамматика 2005 Т. 2: 120]. Наша научная позиция отличается от представленной точки зрения.

Предложения, построенные по данной схеме, в качестве грамматического субъекта (вербализованного или отмеченного в контексте) могут иметь личные и неличные (одушевленные и неодушевленные) имена существительные, а также местоимения 1-го, 2-го, 3-го лица: *Сеня Громов... грустно и растерянно смотрел перед собой* (В. Шукшин); *Я играю на тальяночке про синие глаза* (С. Есенин); *Он зовет меня в дубровы, Как во царствие небес, И горит в парче лиловой Облаками крытый лес* (С. Есенин). Традиционно же выделяемые определенно-личные предложения имеют строгие ограничения на представление невербализованного субъекта по ряду причин: во-первых, им может быть только собственно лицо, то есть человек, во-вторых, им может быть только участник акта коммуникации (говорящий или собеседник). К тому же не в каждое определенно-личное предложение возможно подставить подлежащее. Так, ряд побудительных предикативных единиц исключает возможность подстановки подлежащего: *«Здравствуйте. Вы звоните в приемную Иосифа Гурамовича Габуши. Ваши звонки принимает автомат. Назовите, пожалуйста, ваше имя и оставьте...»* (Б. Акунин); *Споемте, друзья, ведь завтра в поход Уйдем в предраассветный туман. Споем веселей, пусть нам подпоет Седой боевой капитан* (А. Чуркин).

Анализ произведений различных временных срезов показал, что большинство глагольных форм 2-го лица употребляются в современном русском языке как в сочетании с подлежащим (в двусоставных конструкциях), так и самостоятельно (в односоставных предложениях), однако наблюдения над конкретным языковым материалом позволяют выявить некоторые особенности. Так, индикативные глагольные формы 2-го лица единственного числа чаще используются в односоставных предикативных единицах, что, по-видимому, объясняется конкретностью данной формы. Формы изъявительного наклонения 2-го лица множественного числа употребляются в качестве независимого главного члена реже, чем в сочетании с подлежащим (формы множественного числа уже не так конкретны, как формы единственного числа); употребление названной формы без подлежащего часто встречается в придаточной части сложноподчиненного предложения, где личное местоимение, называющее субъекта, содержится в главной части: *Если вы дадите мне слово, что это не обидит деликатности Николая Всеволодовича, в известных мне чувствах его ко мне, от которой он ни-че-го не скрывает... и если вы так при том уверены, что этот даже сделаете ему удовольствие...* (Ф. Достоевский), что в какой-то степени сближает подобные предложения с неполными контекстуальными, однако в неполных предложениях отсутствие того или иного члена ведет к неполноте не только структурной, но и семантической: – *Merci, – взяла чашку Марья Тимофеевна и вдруг прыснула со смеху над тем, что сказала лакею merci* (Ф. Достоевский) – без главной части субъект придаточной не ясен, в определенно-личных же предложениях субъект ясен и без контекста. Что касается императивных форм, то здесь налицо явный перевес в сторону независимого употребления: *Вот тебе кофе несут, милости просим, кушай и не сердись* (Ф. Достоевский); *Ну же, неси коньяк* (Б. Акунин).

В определенно-личных предложениях употребление некоординируемой спрягаемой глагольной формы является нормой, к тому же, структурная схема

– это, как отмечено в «Русской грамматике», минимальный грамматический образец [см.: Русская грамматика 2005 Т.2: 92], а в односоставных определенно-личных предложениях V_{f1} и V_{f2} – это и есть тот минимум, который необходим для построения предикативной единицы. В связи с изложенным полагаем, что не вполне корректно рассматривать конструкции типа *Вот тебе загадка не трудная, отгадай-ка!* (Ф. Достоевский) как неполную реализацию схемы $N_1 - V_f$. Данный вывод исходит из того, что семантически предложения с подлежащим и без него практически тождественны, но при структурно-семантическом подходе нельзя не учитывать саму структуру синтаксической конструкции, поэтому следует признать, что определенно-личные предикативные единицы представляют собой самостоятельный структурно-семантический тип предложения, имеющий структурную схему – $V_{f1/2}$.

Далеко не всеми лингвистами признаются и рассмотренные обобщенно-личные односоставные конструкции. Наиболее характерной формой выражения главного члена в данном структурно-семантическом типе односоставных предложений является глагол во 2-ом лице единственного числа: *Весной часом отстанешь – неделей не догонишь* (пословица). Однако принципиальным является тот факт, что главный член может быть выражен практически любой личной формой глагола, ср.: *Моя хата с краю – ничего не знаю* (пословица); *Старого не учат – мертвого не лечат* (пословица); *Семь раз отмерь – один раз отрежь* (пословица); *Рано оседлали, да поздно поскакали* (пословица). Подобная грамматическая интерпретация объясняется тем, что в обобщенно-личных предложениях агенс обобщает значения всех трех грамматических лиц, а глагольная форма «выпадает» из морфологического парадигматического ряда, ср.: *Умрем* (я, ты, он), *ничего с собой не возьмем* (я, ты, он) (пословица); *Что посеешь* (я, ты, он), *то и пожнешь* (я, ты, он) (пословица). Сказанное не позволяет нам согласиться с мнением В.В. Востокова, который считает, что «в обобщенно-личных предложениях выражается предикативное дейктическое значение 3-го лица», поскольку «в них нейтрализовано противопоставление говорящего собеседнику» [см.: Востоков 2000: 321]. Значение 3-го лица не предполагает противопоставление адресанта адресату, но оно предполагает противопоставление неучастников акта коммуникации участникам. Обобщенно-личность предполагает именно нейтрализацию противопоставленности по лицу (и времени).

Становится очевидным, что для обобщенно-личных односоставных предложений не является определяющим фактором, какой именно финитной глагольной формой выражен главный член (в отличие от определенно-личных, где может быть только V_{f1} или V_{f2} , неопределенно-личных – V_{3pl} , безличных – V_{3s}). Следовательно, структурную схему обобщенно-личных односоставных предложений правомерно представить моделью V_{f1-3} (финитная глагольная форма, в значении которой входит указание на все три грамматических лица).

Учитывая приведенные выше рассуждения, мы расширяем «полный» список структурных схем, представленный в «Грамматике-70» и «Грамматике-80», за счет моделей $V_{f1/2}$ (определенно-личные предложения) и V_{f1-3} (обобщенно-личные предложения). Все сказанное достаточно убедительно показывает, что именно лицо является наиболее важным атрибутом структурной схемы.

Синтаксическое лицо – это категория многоаспектная, имеющая непосредственное отношение к предикативности, однако ее сущность не сводится только к выражению предикативности, поэтому считаем вполне обоснованным выделение внутри категории предикативного и непредикативного значений. Предикативное и непредикативное лицо – это не частные категории, а значения в рамках категории синтаксического лица.

Предикативное лицо – это обязательная часть грамматической основы предложения. Оно зависит от способа представления в основе предложения *грамматического* субъекта – эксплицитного, имплицитного или устраненного из грамматической основы. Под *грамматическим* субъектом нами понимается компонент предикативной основы предложения, который имеет либо лексическое выражение и координируется с предикатом, либо формально-грамматическое выражение (личные глагольные флексии), либо негативное выражение.

Если грамматический субъект словесно выражен, лицо представляется конкретно как 1-е, 2-е, 3-е (в зависимости от способа выражения подлежащего – *Под венком лесной ромашки Я строгал, чинил челны, Уронил кольцо миляшки В струи пенистой волны* (С. Есенин); *Только ты скажи, чего ты хочешь?* (В. Пелевин); *Потом он стал врать друзьям, что отец назвал его так потому, что увлекался восточной мистикой и имел в виду древний город Вавилон...* (В. Пелевин)) или только как 3-е (в односоставных именных конструкциях – *Жаркий день поздней осени* (Б. Акунин).

Если грамматический субъект не вербализован, но на «идею субъекта» указывает глагольный предикат, лицо представляется определенно (1-е или 2-е): *Про «Парламент» ничего не скаж-у – хорошо; Вед-и себя естественно. Но не говор-и лишнего* (В. Пелевин); неопределенно (3-е): *Это из кавказского землячества звон-ят* (В. Пелевин) или обобщенно: *А потому что в Нью-Йорке это понимаешь, а в Москве нет...* (В. Пелевин).

При негативном выражении *грамматического* субъекта возникает *грамматическая* безличность: *Но трудно было не поразиться их глубокому знанию жизни* (В. Пелевин); *Нет сейчас жизни русскому человеку* (В. Пелевин), однако такой подход не означает, что категория синтаксического лица в подобных предложениях отсутствует: *грамматическая* безличность – это предикативное значение синтаксического лица.

Таким образом, предикативное лицо соотносит содержание предложения с говорящим, собеседником, неучастником акта коммуникации (определенным или неопределенным) или с любым (обобщенным) лицом, кроме того, предикативное лицо при определенных условиях выражает значение безличности. Именно предикативное лицо является обязательным компонентом предложения любого типа, что еще раз подчеркивает значимость синтаксического лица для классификации предложений, поскольку выделение традиционных структурно-семантических типов односоставных предложений зиждется в первую очередь на различиях в способе представления предикативного синтаксического лица.

В ряде конструкций предикативное значение лица дополняется непредикативными, однако в этом случае следует различать грамматический и семан-

тический субъект. Семантический субъект выражается именительным (в этом случае он совпадает с грамматическим субъектом) и косвенными падежами, то есть может занимать и зависимую синтаксическую позицию. Из этого следует, что грамматическая безличность как предикативное значение синтаксического лица не означает, что во всех безличных предложениях отсутствует субъект-деятель. Благодаря наличию в структуре многих безличных и инфинитивных предложений семантического субъекта их содержание может быть соотносено с говорящим, собеседником или 3-им лицом: *Так я тебе скажу, что мне и перестраиваться не надо было* (В. Пелевин); *И если тебе удастся заигнотизировать клиента, ты берешь десять процентов от общей стоимости ролика* (В. Пелевин); *...разработчик как бы объяснял очень богатым людям, как им жить дальше, и просил дать ему за это немного денег* (В. Пелевин). Нередко указание на лицо содержится в контексте или ясно из ситуации. В связи с этим безличные и инфинитивные предложения делятся на определенно-субъектные, неопределенно-субъектные и обобщенно-субъектные: определенно-субъектные – *Крутанись, не мне тебя учить* (В. Пелевин); *Стена понял, что прокололся, и вывернуться будет тяжело – придется рассказывать про Лебедкина, и непонятно, как обернется дело...* (В. Пелевин); неопределенно-субъектные – *Ты чего, в Нью-Йорке полжизни кладут, чтобы только с правильными людьми встретиться за обедом, а у нас...* (В. Пелевин); обобщенно-субъектные – *Костров не жечь!* Лишь ограниченная часть безличных предикативных единиц, которые выражают состояние среды или семантику, связанную со сменой времени суток, являются абсолютно-бессубъектными: *В ларьке было полутемно и прохладно, как в танке...* (В. Пелевин) и т.п.

В русском языке употребляются предложения, в которых имеется указание сразу на два или на все три лица (*Я тебе его клиента после покажу* (В. Пелевин)), однако только одно значение, выражаемое компонентами грамматической основы, является предикативным: предикативным является 1-ое синтаксическое лицо (*я покажу*), а значения 2-го (*тебе*) и 3-го лица (*его, клиента*) являются непредикативными. Из этого следует, что случаи, когда в предложении имеется указание не на одно лицо, не являются основанием для исключения синтаксического лица из числа предикативных категорий.

В энциклопедии «Русский язык», где предикативность рассматривается без категории синтаксического лица, приводится следующий аргумент в пользу непредикативного характера лица: «Формы лица, соединяя сказуемое с подлежащим по принципу своеобразного согласования, принадлежат к числу средств, выражающих синтагматические отношения между словами» [Русский язык 2008: 367]. Данный тезис, на наш взгляд, не доказывает непредикативного характера лица по ряду причин: в односоставных предложениях нет подлежащего и сказуемого, а есть только один главный член – *Только большие никуда не смотри* (В. Пелевин); *Быть может, о нем не узнают в стране, И не споят в хорах...* (В. Высоцкий); *На чужой стороне и сокола зовут вороной* (поговорка); возникает вопрос: что с чем в приведенных предложениях соединяют формы лица? В ряде предложений нет форм лица – *Синее раздолье. Голубые весны. Золотое поле. Золотые сосны* (А. Фатьянов), однако син-

тактически здесь 3-е лицо, указывающее на то, что субъектом является неучастник речи; в инфинитивных предложениях типа *Лечь! Встать! Лечь! Встать! Лечь! Встать! Лечь! Встать! Все понял...? Лечь! Встать! Точно все понял? А теперь взял бутылку... и бегом на вид «Б», где тайное место крупным планом* (В. Пелевин) нет форм лица, но интонационно-синтаксическими средствами репрезентируется значение 2-го синтаксического лица, то есть действие соотнесено с собеседником. Какие же синтагматические отношения здесь представлены? Получается, что формы лица выполняют связующую функцию внутри грамматической основы только в определенной части двусоставных предложений, это лишь одна из функций лица, которая, по нашему мнению, никак не мешает категории синтаксического лица являться элементом предикативности.

Категория синтаксического лица, указывающая на соотнесенность содержания предложения с говорящим (*Нет, я не глупый... а просто – не привык жить один* (М. Горький)), собеседником (*Только в сопроводительных документах про это не пиши* (В. Пелевин)), «третьим лицом» (*Ника не интересовалась чужими чувствами, но инстинктивно угадывала отношение к себе – и, когда ко мне приходили, она чаще всего вставала и шла на кухню* (В. Пелевин)) или выражающая предикативную безличность (*В ларьке было полутемно и прохладно, как в танке...* (В. Пелевин)), как модальность и синтаксическое время, осуществляет грамматическую «привязку» предложения к действительности.

Таким образом, определения предикативности, данные с исключением категории синтаксического лица, представляются нам не вполне состоятельными, особенно если авторы якобы продолжают традиции В.В. Виноградова. Понимание безличности как особого проявления категории синтаксического лица (а не его отсутствие) и разграничение предикативного и непредикативного значений синтаксического лица объясняет наличие в русском языке бес-субъектных и полисубъектных предложений и, на наш взгляд, лишь подчеркивает сложный и многоаспектный характер категории синтаксического лица, но не является основанием для того, чтобы выводить синтаксическое лицо за пределы предикативности.

Основополагающей идеей I главы является мысль о необходимости разграничения понятий «морфологическое» и «синтаксическое лицо».

Говоря о категории лица, в первую очередь имеют в виду категорию лица глагола, которая понимается как морфологическая словоизменительная категория, указывающая на отношение глагольного действия к его производителю и находящая строгое формальное выражение (специальные морфемы). Таким образом, для глагола характерна противопоставленность форм лица. Категорией лица обладают местоимения (личные и притяжательные). Значение лица в названном классе слов выражается не определенными формами слова, а самой лексемой, то есть категория лица у местоимений носит лексико-грамматический характер. Грамматическое значение лица выражается не только системой определенных морфологических форм, но и структурой синтаксической конструкции, что и обусловило выделение более широкой категории синтаксического лица.

Синтаксическое лицо – многоаспектная объективно-субъективная категория, имеющая целую систему разнообразных языковых средств выражения. Категории синтаксического лица свойственна та же семантика, что и морфологической категории лица; одинаковым для них является и «отправной пункт» (говорящий), относительно которого определяются остальные грамматические лица. Вместе с тем, синтаксическое и морфологическое лицо имеют существенные различия.

1. Категория морфологического лица проявляется только в индикативных (кроме форм прошедшего времени) и императивных глагольных формах, личных и притяжательных местоимениях, тогда как категория синтаксического лица выражается во всех предложениях. Например, в предложении *Не знал, что вы так религиозны* (И. Бунин) значение 1-го синтаксического лица определяется сопоставлением формы прошедшего времени со 2-м лицом, выраженным личным местоимением; в предложении *Устал, Федор Ильич?* (А. Чехов) семантику 2-го синтаксического лица передают обращение и вопросительная интонация; *Гадать об этом было поздно – братья посадили его на переднее сиденье, сами сели на заднее и велели шоферу ехать в центр* (В. Пелевин) – на конкретное лицо (неучастника речи) в первой части бессоюзного сложного предложения указывает местоимение *его* во второй части.

2. Лицо глагола и притяжательных местоимений указывает лишь на соотнесенность того или иного процесса или предмета с говорящим, собеседником или объектом речи, а личные местоимения называют само лицо. Синтаксическое же лицо указывает на отношение всего высказывания или его элементов к говорящему, собеседнику или третьему лицу, а также указывает на авторство модальных оценок: *Это звучит разумно, но, по-моему, общественное устройство более напоминает не рыбу, а некое здание* (Б. Акунин); *Онегин был, по мнению многих (судей решительных и строгих), ученый малый, но педант* (А. Пушкин).

3. Синтаксическое лицо, в отличие от морфологического, представляется определенно, неопределенно и обобщенно: определенно – *А не заспится – так подумай о моей притче* (Б. Акунин) – на определенно-субъектное значение безличной конструкции указывает определенно-личная семантика второй части бессоюзного сложного предложения; неопределенно – *В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским. Вам поверят и дадут нужные свидетельства* (А. Пушкин) – отмечено противопоставление участников речи неучастникам; обобщенно – *На деньги ума не купишь* (пословица) – противопоставление по линии лица нейтрализовано, субъектом может быть любой участник/неучастник коммуникации.

4. Синтаксическое лицо не характеризуется, в отличие от морфологического лица, обязательной «привязкой» к грамматическому значению числа. В неопределенно-личных односоставных предложениях главный член всегда стоит в форме множественного числа: (1) *Процаясь, Ипполитов поцеловал ей руку. Впервые в жизни ей целовали руку* (Д. Гранин); (2) *За перегородкой в коиторе тихонько разговаривали* (И. Тургенев); (3) *Миллионы таких обмануты, и миллионы еще обманут* (И. Шмелев). В предложении 1 «намечен» один

субъект-агенса, во 2-ом – реальное множество субъектов, для 3-го предложения несущественно, со сколькими субъектами соотносится действие.

5. Синтаксическое лицо (вместе с синтаксическим временем и наклонением) выражает предикативность, но может иметь и непредикативное значение, в то время как морфологическое лицо глагола присуще только предикативным глагольным формам, а лицо в притяжательных местоимениях (если не учитывать случаи транспозиции) не принимает участия в формировании предикативности.

6. Синтаксическое лицо – необходимый атрибут предложения, морфологическое лицо в предложении может и отсутствовать. Так, в предложениях *Осенний холодок. Пирог с грибами. Калитки шорох...* (Б. Окуджава) отсутствуют морфологические формы лица, однако имена существительные в функции главного члена эксплицируют предикативное значение 3-го синтаксического лица.

7. Морфологическое лицо выражается только словоформами, являющимися членами предложения, показатели синтаксического лица могут и не являться членами предложения (обращение, вводные слова и др.).

8. Категории синтаксического и морфологического лица имеют разные средства выражения. Морфологическое лицо с этой точки зрения достаточно «бедно»: глаголы в качестве средств выражения грамматического значения лица используют в изъявительном наклонении специальные флексии и специальные аффиксы и служебные слова в повелительном наклонении; местоимения выражают личное значение лексемой. Категория синтаксического лица выражается средствами, выходящими за рамки морфем, служебных слов и лексем. Так, например, в предложениях *Что не весел, Генерал? Али корью захворал, Али брагою опился, Али в карты проиграл?* (Л. Филатов) значение 2-го синтаксического лица выражается при помощи особого структурного элемента (обращение) и вопросительной интонации, а в предложении *Счет мне!* только императивной интонацией.

9. На морфологическом уровне и инфинитив, и безличные глаголы не изменяются по лицам, однако безличность – это не отсутствие лица, а его особое значение, к тому же основной формой выражения безличности является форма 3-го лица; инфинитив же не имеет категории лица, поэтому «следует говорить не о безличности инфинитива, а об инертности его в отношении к категории лица, морфологической и даже синтаксической» [см.: Осипова 2009: 10]. По-разному инфинитив и безличные глаголы соотносятся с лицом и на синтаксическом уровне. Так, инфинитив называет процесс, соотносенный с агенсом, который выражается местоимениями, именами существительными: *Зачем бы тебе это выдумывать?* (С. Альтов); *Строжайше б запретил я этим господам На выстрел подъезжать к столицам* (А. Грибоедов); контекстуально-ситуативными средствами: *А я сидел с засаленною трёшкой, Чтоб завтра гнать похмелие моё, В обнимочку с обшарпанной гармошкой – Меня и пригласили за неё* (В. Высоцкий). Безличные же глаголы либо вообще не допускают соотносенности с каким-либо лицом: *Да лампы что ж ты не зажигаешь? Вишь, смеркается* (И. Тургенев), либо допускают, но лицо является не субъектом, а объектом, на который этот процесс направлен: *Сказал это, да*

и смотрю на нее, и даже чувствую, как меня всего знобит (М. Салтыков-Щедрин), либо допускают связь с семантическим субъектом: *Мне не верилось, что все это делается наяву* (И. Гончаров). Из сказанного следует, что безличные предложения могут иметь дезагенсное и агентивное значения, в то время как инфинитивные предложения не могут быть дезагенсными.

10. Синтаксическое лицо – категория многоаспектная, морфологическое лицо – категория моноаспектная.

Таким образом, грамматический анализ показал необходимость различать морфологическое лицо (значения глагольных словоизменительных форм 1-го, 2-го и 3-го лица и местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица) и синтаксическое лицо (значения лица, присущие не какой-либо словоформе как члену парадигматического ряда, а значения, обнаруживающиеся в синтаксических структурах).

Все средства выражения лица объединяются по принципу «поля», анализ которого предполагает обращение к концепции А.В. Бондарко, нуждающейся, по нашему мнению, в некоторой корректировке. Во-первых, мы принципиально не согласны с тем, что «формы лица глаголов и местоимений, образующие центр поля персональности, представляют не разные грамматические категории, а одну и ту же грамматическую категорию лица» [ТФГ 1991: 19]: данные категории относятся к разным типам (лексико-грамматическому и словоизменительному) и имеют не только сходства, но и определенные различия. Во-вторых, мы более точно определяем в поле место личных и неличных имен существительных, учитывая их синтаксическую функцию в предложении, имен существительных, используемых в функции обращения. В-третьих, считаем необходимым включение в поле синтаксического лица неперсональных местоимений, модальных слов, различных разрядов частиц, структурных особенностей предложения.

К ядерной зоне поля синтаксического лица относятся формы местоимений и глаголов, однако ядро само по себе имеет полевою организацию, где центром являются предикативные глагольные формы и местоимения 1-го и 2-го л., зона перехода от ядра к периферии представлена формами 3-го л. (при указании человека), периферия – формами 3-го л. (при указании не на человека и при выражении безличности).

Ближняя периферия: 1) непредикативные формы личных местоимений – *Про меня говорят: он, конечно, не гений, – Да, согласен – не мною гордится наш век, – Интегральных, и даже других, исчислений Не понять мне – не тот у меня интеллект* (В. Высоцкий); 2) все формы притяжательных местоимений – *А что за человек твой муж?* (М. Булгаков) (субстантивированное употребление типа *...мой-то совсем умом повредился!* (Г. Устинова) представляет особый случай); 3) имена существительные в функции обращения, выражающие дейктическое значение 2-го синтаксического лица, – *А чем болтать – взяла бы, Зин, В антракт сгоняла в магазин...* (В. Высоцкий); 4) имена существительные со значением лица, выполняющие функцию подлежащего в активных конструкциях, – *Повсюду юркий армеец успел примелькаться* (Б. Акунин) – или субъектного дополнения в пассивных конструкциях – *Убранство и порядок дома велись Татьяною Семеновной по-старинному* (Л. Толстой). Неличные имена существительные также относятся к перифе-

рии: *Из-под копыт – Грязь летит! Перед лицом – Шаль, как щит* (М. Цветаева).

К периферийным средствам относятся и формы возвратного местоимения, поскольку их значение может быть соотнесено с любым лицом, ср.: *То, что я играл – это действительность, но что я для себя играл, для доставления себя самому удовольствия, то это решительно клевета* (Ф. Достоевский) – себя вместе с местоимением я указывают на отношении к говорящему; *За границей не блуди, В чистоте себя блуди. В разговоры не мешайся И знакомств не заводи!* (Л. Филатов) – себя совместно с императивом блуди указывают на отношении к собеседнику.

К периферии относятся модальные слова (*Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...* (М. Булгаков)), частицы (*Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел...* (Л. Толстой)) и междометия (*Ай-яй-яй, вот так штука!* – он помолчал некоторое время в смятении, всматриваясь в луну, плывущую за решеткой, и заговорил... (М. Булгаков)). Отмеченные средства имеют отношение к субъективному плану реализации синтаксического лица, так как определенным образом «отмечают» говорящего. Причем, модальные слова, дифференцирующие участников и неучастников речи, располагаются в периферийной зоне, ближе к ядру: *Наказать его можно, но он, по-моему, не виноват* (И. Тургенев); модальные же слова, в лексическом значении которых не заложено указание на лицо, располагаются в центре периферийной зоны: *Кстати, промолвим лишь два слова раз навсегда о чувствах Ивана к брату Дмитрию Федоровичу...* (Ф. Достоевский).

К числу синтаксических средств репрезентации относится опосредованное выражение отнесенности к лицу. Подобный способ представлен в конструкциях с деепричастиями, где процессы, названные спрягаемым глаголом и деепричастием, имеют одного субъекта: *И я, поцеловав гравюру, Не знала сна...* (М. Цветаева) – действия, названные формами *не знала* и *поцеловав*, соотносятся с говорящим, на что указывает подлежащее я. Опосредованная отнесенность к лицу наблюдается и в синтаксических конструкциях с причастиями: *Первобытные племена, живущие без всяких «высших устремлений» в гармонии с природой – тоже пьют: нажуют листьев, сплюнут всем племенем в выдолбленную тыкву, дадут перебродить – и захмеляются по кругу* (М. Веллер) – действие, названное причастием *живущие*, соотносится с 3-им л., поскольку определяемым словом является имя существительное *племена*. Не всегда, однако, имя существительное, определяемое причастием, выполняет функцию подлежащего: *Даже мирное слово «дизайнер» казалось сомнительным неологизмом, прижившимся в великом русском языке по лингвистическому лимиту, до первого серьезного обострения международной обстановки* (В. Пелевин). Подобная картина наблюдается и в конструкциях с инфинитивом: *И когда я его [свет – В.Л.] вижу, то главное, что есть во мне, заставляет меня двигаться в направлении к свету* (В. Пелевин).

К периферии поля лица относятся интонационно-синтаксические средства. Ср., интонация побуждения в односоставных инфинитивных предложениях нередко является единственным показателем 2-го синтаксического лица:

Всхлипнув, присел на корточки, хотел выдернуть железку из мертвой головы. – **Не трогать!** К-края смазаны ядом. Мыльников отдернул руку (Б. Акунин). Подобная картина наблюдается и в безглагольных конструкциях с междометными словами: *Брысь... заколю!* (М. Салтыков-Щедрин).

Крайнюю периферию лица составляют формы безличности, однако безличность представляет собой поле, в ядре которого находятся абсолютно-бессубъектные предложения – *Было уже совсем поздно... Начинало даже смеркаться* (Ф. Достоевский); локативно- и дативно-субъектные предложения – *В животе у Клары похолодело тягуче и жутко* (М. Веллер); *Так жаль стало мне тебя, аж горло перехватывает, чую! Беда!* (М. Горький), а объектно-субъектные и инструментально-субъектные предложения с семантикой стихийного действия относятся к ближней периферии поля безличности, см.: *Самой ей на плаву долго было не продержаться – слишком уж швыряло ее то вправо, то влево, слишком крутило...* (Б. Акунин); *Вдруг горизонт залило нестерпимо ярким светом...* (В. Пелевин). К крайней периферии поля безличности относятся контактно-относительные единицы, стоящие на границе между безличными и двусоставными: *Ей снится, будто бы она идет по снеговой поляне* (А. Пушкин). «Наложение» поля безличности на поле синтаксического лица демонстрирует сложную грамматическую картину: ядерная зона безличности находится на крайней периферии синтаксического лица, а крайняя периферия безличности наиболее удалена от крайней зоны поля синтаксического лица.

II глава «*Грамматические средства выражения синтаксического лица*» представляет детальный анализ морфологических средств выражения категории синтаксического лица.

Высшей ступенью абстракции грамматического лица в глаголе является личность-безличность. Личность и безличность – это не отдельные соотносительные категории, а два полюса одного явления, поскольку данная оппозиция выявляется не на основе «отталкивания» личного и безличного значений от какого-то нулевого, а в результате расщепления единого абстрактного значения (отношения действия к грамматическому субъекту) на два значения: относительность действия с грамматическим субъектом и безотносительность действия к грамматическому субъекту; значения личности и безличности нередко взаимозависимы и взаимопереходны.

В сфере средств выражения грамматической личности имеется обслуживающая процесс общения говорящего с собеседником система форм, которая представляет собой на уровне словоформы грамматическую категорию лица глагола. Таким образом, словоизменительная категория лица глагола по градационному принципу входит в более широкую категорию личности-безличности.

Личные глаголы имеют формы лица в настоящем-будущем времени изъявительного наклонения и в императиве и личные формы (но не формы лица!) в прошедшем времени индикатива и сослагательном наклонении.

Формы прошедшего времени личных глаголов выражают грамматическое значение личности, противопоставляемое значению безличности, поэтому данные формы личных глаголов, по нашему мнению, нельзя считать внелич-

ными. Действие, обозначаемое ими, соотносится с грамматическим субъектом. Так, в предложении *Татарский испытал чувство мгновенного и пронзительного узнавания* (В. Пелевин) форма *испытал* обозначает действие, соотносимое с грамматическим субъектом. Следовательно, рассматриваемая форма может быть признака личной, как форма *испытает*, обозначающая то же действие, только в аспекте прошедшего времени. Из сказанного следует, что глаголы в прошедшем времени не имеют форм лица (не выражают морфологической категории лица), но значения всех трех лиц могут выражаться за счет сочетаемости с личными местоимениями (синтаксически). Поэтому не вполне корректным представляется тезис авторов «Грамматики-70» о том, что формы прошедшего времени и сослагательного наклонения не имеют показателей лица и являются неличными [Грамматика 1970: 362], так как отсутствие у данных форм показателей лица не лишает возможности соотносить обозначаемое ими действие с грамматическим субъектом. Данное обстоятельство позволяет говорить о сходстве, но не тождественности понятий «личная форма глагола» и «форма лица глагола».

Способы выражения отношения действия к лицу могут быть не только прямыми, но и опосредованными: описательный способ, интонация, синтаксическая связь форм прошедшего времени с формами глаголов, имеющими личный показатель, вставка в предложение обращений.

Суть описательного способа в том, что для выражения отношения действия к лицу используется сочетание глагольной формы прошедшего времени и личного местоимения в им. п. Если при форме прошедшего времени местоимение отсутствует, то отношение к лицу выражается другими средствами. Состав показателей для разных лиц различен. Так, отношение к 1 л. ед. и мн. ч. выражается следующими языковыми средствами: а) местоимением в косвенном падеже: *Как заглянула в его безумные глаза, так внутри у меня все и похолодело* (Б. Акунин); б) синтаксической связью формы прошедшего времени с формой глагола, имеющей формальный показатель лица: *Думал, брош-у машину к черту и пешком пойд-у!* (Т. Устинова); в) особой констатирующей интонацией, сопровождающей повествование, ср.: *Ногу отсидела...* (А. Чехов) – *Ногу отсидела?* (вопросительная интонация указывает на соотносительность действия с собеседником); г) сопоставлением формы прошедшего времени со 2 л., выраженным личной формой глагола или личным местоимением: *Не думала, что вы умеете шутить* (Р. Романов).

Отношение ко 2 л. ед. или мн. ч. выражается: а) обращением, указывающим на лицо, к которому относится действие, выраженное формой прошедшего времени: *Устал, Федор Ильич?* (А. Чехов); б) синтаксической связью формы прошедшего времени с формой глагола, имеющей показатель лица: *Чего встал, бег-и, собирайØся, слыш-шь...* (М. Шолохов); в) особой вопросительной или побудительной интонацией, которая соотносит действие, выраженное формой прошедшего времени, со 2 л.: *Зачем стекло разбил? А?* (М. Булгаков).

Интонация играет важную роль при выявлении соотносительности действия с лицом, ср.: *В натуре не знал! Думал, лох заморский* (Б. Акунин) – *В натуре не*

знал? *Думал, лох заморский?* В первом случае действие соотносится с говорящим, а во втором – с собеседником.

При отсутствии показателей лица в предложении с формой прошедшего времени показатели лица обнаруживаются в контексте или речевой ситуации: *Я даже не думал, что у нас так холодно. Отвык* (Ф. Достоевский).

Систему личных форм имеют глаголы в повелительном наклонении. При всем многообразии подходов к анализу форм императива ученые сходятся во мнении, что в повелительном наклонении основную позицию занимают формы 2-го лица, так как побуждение – это, в первую очередь, сообщение своей воли собеседнику, а затем – сообщение побуждения третьим лицам. По этой причине формы повелительного наклонения 2-го лица называют «императивом прямого адресата», а формы 3-го лица, поскольку с их помощью через собеседника (то есть косвенно) побуждают к действию неучастника (неучастников) акта коммуникации, называют «императивом косвенного адресата» [Сергиевская 1995].

Только 2-е л. императива имеет ярко выраженный формальный показатель лица, и именно в формах 2-го лица проявляется агглютинативный характер образования: заключают в себе до четырех аффиксов, из которых каждый сохраняет свое отдельное грамматическое значение: *А вы взгляд-и-те-сь-ка в людей, в их лица, постарайтесь* (А. Силецкий); *Распиши-и-те-сь-ка в получении!* (А. Чехов).

Формы сослагательного наклонения личных глаголов выражают грамматическое значение личности, противопоставляемое значению безличности. Способность форм сослагательного наклонения выражать значение личности обусловлена тем, что в их состав входят формы, омонимичные формам прошедшего времени, поэтому все то, что характеризует формы прошедшего времени в отношении выражения ими личного значения, определяет и формы сослагательного наклонения: *Марина, это все – для красоты Придуманно, в расчете на удачу раз накричатся: я – как ты, как ты! И с радостью бы крикнула, да – плачу* (Б. Ахмадулина) – показателем соотнесенности действия с говорящим является словоформа *плачу*.

Инфинитив, как неопределенная глагольная форма, называет процесс, не соотносящийся с грамматическим субъектом, а его морфологическая форма не содержит указания на лицо. Инфинитивная глагольная форма в связи с категорией личности-безличности обладает определенным свойством: форму инфинитива имеют все личные и практически все безличные глаголы (кроме *неймется, неможется, успеется*). Однако инфинитив безличных глаголов изолированно не употребляется, что объясняется его отношением к категории лица и лексическим содержанием безличных глаголов, инфинитив которых не способен выступать в роли цельного сообщения, ср.: *смертаться – Встать! Встать?*

Особое явление представляют формы причастий на *-н(-о), -т(-о)*: употребляясь в личном значении, они выражают грамматическое значение среднего рода, ед. ч., указывая на направленность обозначаемого действия на подлежащее, – *Николаю Расторгуеву присвоено звание Заслуженного артиста России («МК»);* употребляясь безлично, причастные формы утрачивают значение

числа, рода, направленность на подлежащее и обнаруживают все признаки безличности (несоотнесенность с грамматическим субъектом, самопроизвольность и др.) – *Проводили хорошо, тепло, сердечно. Было пито, было едено, были слезы пролиты* (Ю. Герман).

В русском языке имеются недостаточные глаголы, которые выделяются на основе дефектности именно личной парадигмы. Неспособность глагола образовывать те или иные формы лица обычно объясняется семантикой самого глагола. Так, «негомические» [см.: Шарандин 2009] (не сочетающиеся с личными именами существительными) глаголы (*кипеть, колоситься* и т.п.) характеризуются отсутствием форм 1-го и 2-го л.; некоторые негомические глаголы образуют формы 1-го и 2-го л., употребляясь переносно, – *И что мне такое, что я так кипячусь* (Н. Лесков); глаголы, обозначающие процесс, несовместимый с единичным производителем (*передратся, толпиться* и т.п.), не имеют личных форм в единственном числе. Недостаточность ряда глаголов объясняется возможной омонимией форм, ср.: *держит* – *держат*, *бужит* – *будит* и т.п.; неблагозвучием – *бдеть, галдеть, победить* и т.п.

Количество членов в личной глагольной парадигме зависит от категории залога. Если глагол действительного (*Я присел и пересматриваю кое-какое книжное старье...* (Н. Лесков)) или средневозвратного залога с собственно-возвратным (... *ощущение какого-то неудобства, что я так непочтительно переодеваясь на глазах этого человека...* (Ф. Искандер)), общевозвратным (*Но, даже если он и промахнется, я перемещусь в точно такой же кабинет на Петровке* (Е. Прошкин)), взаимно-возвратным (*Ты, кстати, с ним полиришь* (В. Пелевин)), косвенно-возвратным (*Потому что понял – никогда так словами манипулировать не научусь* (В. Пелевин)) значениями, то собеседники (1-е и 2-е лицо) рассматриваются в первую очередь как возможные субъекты действия, поэтому такие глаголы, как правило, имеют полную парадигму по линии категории лица. Аналогичная грамматическая картина создается и с внезалоговыми глаголами (*Вам я, может, кажусь не очень умным и все такое, зато вот сам себя слушаю все это время...* (В. Пелевин)).

Глаголы средневозвратного залога с активно-безобъектным и пассивно-качественным значениями обычно употребляются лишь в форме 3-го лица. Ограничение на образование личных форм, по нашему мнению, связано с тем, что глаголы с пассивно-качественным значением обозначают действие как характерную черту предмета (реже лица), но они не производят его сами (*Осторожно! Двери не закрываются...* (заголовок в «Московском комсомольце»)). Глаголы с активно-безобъектным значением обозначают характерную, постоянную, отличительную черту субъекта (*Не бойтесь, он [пес – В.Л.] не кусается* (М. Булгаков)). Они лишь в редких случаях употребляются в формах 1-го и 2-го лица в качестве средства выразительности (*Здравствуй, Фенечка! Я не кусаюсь. – Здравствуйте, – прошептала она, не выходя из своей засады* (И. Тургенев)).

Система личных форм глаголов страдательного залога «осуществляет соотнесенность действия с участниками речевой ситуации с точки зрения того, способны ли говорящее и слушающее лица выступать не как потенциальные субъекты, а как потенциальные объекты обозначенного действия» [Пупынин

1992: 192]. Названное обстоятельство препятствует употреблению глаголов страдательного залога в формах 1-го и 2-го лица, однако в языке все же встречаются редкие примеры подобного употребления: *Следователь достал постановление и прочел, что я привлекаюсь свидетелем по взрыву на улице Твардовского, 31 (В. Карышев); Евгений Петрович, вы – региональный лидер. И сегодняшняя система четко вам говорит: вы назначаетесь на должность Президентом и являетесь его представителем в регионе* («Столичные новости»). Возможность употребления глаголов страдательного залога в формах 1-го и 2-го лица объясняется тем, что некоторые глаголы страдательного залога выражают процесс, направленный на объект, являющийся одушевленным предметом. Примеры употребления форм 1-го и 2-го лица глаголов страдательного залога встречаются при метонимическом переносе: *Когда я пришла Вам контракт подлинный – предложите Вы этой фирме издать полное собрание моих сочинений. Я здесь очень читаюсь – «Фома» на днях вышел 17-м изданием...* (из письма М. Горького И.П. Ладыжникову).

Нечастотность употребления глагольных форм 1-го и 2-го лица страдательного залога объясняет и неупотребительность подобных форм в односоставных определенно-личных предложениях.

За каждой глагольной формой закреплены определенные прямые и расширительные значения (определенно-, неопределенно- и обобщенно-личные) и переносные значения (форма одного лица употребляется в значении другого).

Довольно обширную часть поля синтаксического лица занимают персональные местоимения (личные, возвратные, притяжательные), однако непосредственно категорией лица на морфологическом уровне обладают лишь личные и притяжательные местоимения.

Местоименная категория лица – это лексико-грамматическая категория, указывающая на само говорящее или слушающее лицо или на объект речи (личные местоимения), а также на принадлежность говорящему, слушающему или не участвующему в речи лицу (притяжательные местоимения). Пронаминальные слова, обладающие категорией лица, составляют группу персональных местоимений.

Независимо от синтаксической роли в предложении персональные местоимения выражают дейктическое значение лица, при этом синтаксическая функция (главный или второстепенный член) определяет характер лица (предикативный или непредикативный), а субъектная или объектная позиция влияет на агентивный аспект.

Личные местоимения, указывающие на непосредственных участников речевого акта, являющиеся средством выражения субъективного плана предложения. За каждым личным и притяжательным местоимением закреплены определенные прямые и переносные значения. Возвратное местоимение *себя* и возвратно-притяжательное *свой* являются общими для всех лиц и обладают определенным «набором» прямых и переносных значений. Наиболее определенным значением обладают личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа, семантика которых в меньшей степени зависит от контекста и речевой ситуации по сравнению со всеми другими персональными местоимениями. Все остальные разряды местоимений не имеют формально-

грамматических средств выражения для противопоставления говорящего собеседнику и участвующих в речи лиц не участвующим, однако и они входят в поле категории синтаксического лица, занимая место в зоне периферии.

Указательные и определительные местоимения по своей природе являются неперсональными, поскольку в силу грамматико-семантических свойств для них характерна в первую очередь функция определения, то есть указание на признак субъекта или объекта, а не на сам предмет. Неперсональные местоимения способны влиять на агентивный аспект предложения (ср.: *Всякий посетитель, если он, конечно, был не вовсе тупицей, попав в Грибоедова, сразу же соображал, насколько хорошо живется счастливым...* (М. Булгаков) – актуализируется семантика обобщенности), а в случае субстантивации выражают значение 3-го синтаксического лица (ср.: *Тот сидел совершенно неподвижно, со злым лицом, сдвинув брови, и даже не шевельнулся при входе врача* (М. Булгаков) – указание на неучастника речи).

Относительные местоимения *кто, что, который* и производные от них неопределенные и отрицательные, не обладающие на морфологическом уровне категорией лица, указывают на предметы, вследствие чего в контексте всегда получают то или иное личное (или предметное) значение (ср.: *(Pierre, ты, который так много знаешь из того, что здесь происходит, неужели ты и вправду об этом деле так-таки ничего не знал, ничего не слышал?* (Ф. Достоевский); *Он отнимет, исковеркает вашу молодость, он, который ногтя вашего не стоит!* (Д. Рубина)), а потому образуют группу, находящуюся в зоне переходности между персональными и неперсональными местоимениями.

Категорией лица (личности) обладают имена существительные. Субстантивное лицо – это лексико-грамматическая категория с лексической доминантой.

Лексическое содержание лица в личных именах существительных выражается в том, что такие имена существительные, называя лицо, «ассоциируются с действиями, поступками, поведением» их носителей [Арутюнова 1976: 146], обозначают активного субъекта-деятеля, способного сознательно воздействовать на окружающую его природу, то есть обозначают человека. Отсюда следует, что лицо в именах существительных представляет собой языковое явление, крепко связанное с лексической базой. Граница, проводимая между лицом и нелицом, соответствует границе, проводимой между человеком и всеми остальными живыми существами, явлениями и предметами действительности.

Личные имена существительные составляют особую группу не только по значению, но и в грамматическом плане: несмотря на тесную связь с лексической базой, лицо в именах существительных содержит абстракцию, в основе которой лежит противоположение двух взаимоисключающих значений (лица и нелица), находящихся свое выражение в особенностях склонения, словообразовательных средствах, возможности заменяться личными местоимениями 1-го и 2-го л. и выступать в функции обращений.

Русский язык располагает определенным набором грамматических и лексико-грамматических средств выражения лица в именах существительных.

Если в определенный период развития древнерусского языка основным грамматическим средством выражения лица в именах существительных была форма вин. п., равного форме род. п., то по мере развития категории одушевленности названный признак стал основным формальным показателем категории одушевленности, а потому утратившим свою разграничительную силу между лицом и одушевленностью. В связи со сказанным форма родительного-винительного имен существительных в современном русском языке является обязательным, но имплицитным грамматическим признаком лица. Отмеченный факт дает основание некоторым ученым полагать, что категория лица у имени существительного полностью «поглощена» категорией одушевленности-неодушевленности [Исаченко 1965], однако категория одушевленности не «поглотила», а «вобрала» в себя категорию лица [Виноградов 1986], что не одно и то же. Вхождение одной (более узкой) категории в другую (более широкую) еще не говорит о том, что более узкая категория перестает существовать. Примером служит сосуществование категорий личности-безличности и лица в глаголе. Сначала у имен существительных появилась категория лица, причем, как категория грамматическая (в старославянском языке развитие категории лица связано с появлением необходимости различать формы субъекта и объекта), а на ее базе развилась более широкая категория одушевленности-неодушевленности.

Категория субстантивного лица имеет следующие показатели: 1) форма им. п. ед. ч. мужского рода на *-а*: *мужчина, юноша* и т.п.; 2) уменьшительно-ласкательные и презрительно-уничижительные собственные имена мужчин и женщин на *-а (-я)*: *Таня, Ванька* и др.; 3) форма им. п. мн. ч. на *-е* мужского рода с суффиксом *-ин* в ед. ч.: *англичане, крестьяне* и др.; 4) формы мн. ч. им. п. на *-ья, -овья*, образуемые от имен существительных мужского рода, обозначающие, как правило, лиц по родству и свойству: *друзья, зятья* и др.; 5) архаичная форма им. п. мн. ч. на *-и* в словах *соседи, черти*; 6) субстантивированные формы имен прилагательных мужского рода, обозначающие лиц мужского пола типа *леший* (исключение составляют субстантиваты мужского рода, обозначающие устарелые названия монет: *целковый, золотой, пятиалтынный*), и субстантиваты женского рода ед. ч. им. п. (редкие случаи) типа *горничная*; 7) для обозначения лиц мужского и женского пола в русском языке используются различные словообразовательные средства; личные имена существительные характеризуются высокой словообразовательной активностью, особенно имена существительные, обозначающие лиц по профессии; суффиксов лица только при образовании отглагольных имен существительных насчитывается более 30 [Русская грамматика 2005]; 8) имена существительные «общего рода», которые, не меняя своей формы, служат обозначением лиц мужского и женского пола: *неяха, левша, сладена* и др.

Категория лица в именах существительных имеет непосредственное отношение к человеку; именно по данному признаку глаголы в русском языке делятся на «гомические», называющие процесс, производителем которого является человек (*рассказывать, читать, лелеять*), и «негомические», называющие процесс, не связанный с человеком (*кипеть, пороситься, холодать* и

т.п.) [Шарандин 2009], что объясняет дефективность парадигмы ряда глаголов.

Личные имена существительные называют говорящего, употребляясь в функции приложения при личном местоимении 1-го лица (*Я, старый охотник, не раз ночевал в лесу* (Г. Скребицкий)), адресата, если употребляются в функции обращения (*Не твори, Федот, разбой, А возьми меня с собой* (Л. Филатов)). В большинстве случаев имена существительные указывают на 3-е л., причем, не важно, личное имя существительное или нарицательное (*Да и зубернская столица не бог весть какой Вавилон – в описываемый момент все ее население составляло двадцать три тысячи пятьсот одиннадцать человек обоего пола* (Б. Акунин)).

Глагольное, местоименное и субстантивное лицо имеют сходства, однако являются разными категориями современного русского языка, имеющими разное содержание, грамматические показатели, разное назначение в языке.

В III главе «*Многоаспектность категории синтаксического лица*» представлен анализ дейктического и агентивного аспектов синтаксического лица, описаны средства репрезентации субъективного плана.

Говорящий и собеседник являются ключевыми понятиями высказывания, следовательно, указание на противопоставление говорящего собеседнику или отсутствие такого противопоставления (то есть дейктическое значение) является одним из основных значений предложения. Дейктическое значение 1-го и 2-го л. выражается в предложении личными и притяжательными местоимениями и/или спрягаемым глаголом: *Проклинаю миг, когда фотографу потрафил, Ведь теперь я думаю, когда беру мячи: Сколько ж мной испорчено прекрасных фотографий! – Стыд меня терзает, хоть кричи* (В. Высоцкий); *Твоя задача – передать отправленный им груз в Москву, известному тебе адресату* (Б. Акунин).

Особым средством репрезентации дейктического значения 2-го синтаксического лица являются обращения: *Скажите-ка, как вас, Семен Семенович, вы ведь, кажется, примерный отец?* (Б. Акунин).

Обращение – это обособленная синтаксическая конструкция, особым образом связанная с предложением, но не являющаяся его членом, выражающаяся именами существительными или субстантивированными словами, обладающая особой звательной интонацией, функционирующая как средство речевого контакта для называния и привлечения или поддержания внимания адресата (дейктическое значение 2-го лица), в то же время эксплицирующая зону говорящего (субъективное значение синтаксического лица).

В ряде случаев род и число предиката зависит от рода и числа существительных-обращений: *Ну, Леничка, с чем пожаловал?* (М. Веллер). В то же время, частотны конструкции, в которых обращение не вступает ни в какие грамматические связи с остальным составом предложения: *Господин инженер, прибыл в ваше распоряжение* (Б. Акунин). Сказанное позволило нам выделить два типа обращений: **субъективные** (агентивные) и **несубъективные** (дез-агентивные). Субъективное обращение называет лицо, которое является субъектом по отношению к процессу, названному предикатом: *Жорка, перестань хулиганить!* (М. Веллер). Именно в подобных предложениях обращение «диктует»

определенную грамматическую форму глаголу (числа и/или рода) и вступает с ним в связь, подобную согласованию. Несубъектным является обращение, называющее лицо, которое не совпадает с предикативным субъектом: *Таня, я с этим паспортом валадалась три недели. И теперь что – заново начинать, следующий оформлять?!* (Т. Устинова). В таких случаях обращение грамматически не связано с основным составом предложения.

Значение 3-го синтаксического лица передается подлежащим, выраженным именем существительным (*Антирусский заговор, безусловно, существует – проблема только в том, что в нем участвует все взрослое население России* (В. Пелевин)), местоимением *он* (*Заготовив фразы к беседе, он постучал под табличкой «Отдел прозы» и водвинулся с почтительным полупоклоном* (М. Веллер)), количественно-именным сочетанием (*Три человека было на моем этаже, и еще двое внизу* (В. Пелевин)), любым субстантивированным словом (*Капитан сделал знак рукой, и раскатистое «ура» стихло* (В. Пелевин)), инфинитивом (*...для миллионов лучей это настоящая трагедия – начать свой путь на поверхности солнца...* (В. Пелевин)).

Имя существительное в функции подлежащего всегда указывает на неучастника речи. Причем, не важно, активная или пассивная конструкция, поскольку субъектно-объектные отношения определяют в большей степени агентивный, а не дейктический план реализации синтаксического лица (ср.: *Этот термин* (объектное подлежащее выражает дейктическое предикативное значение 3-го л.) *употребляется нами* (субъектное дополнение выражает агентивное значение 1-го л., то есть указывает на то, что производителем действия является говорящий) *не в негативно-оценочном смысле* (В. Пелевин); *Но этот термин, если употребить его сразу, способен вызвать подозрения и страх* (В. Пелевин) – субъектное подлежащее выражает дейктическое предикативное значение 3-го л. и одновременно выражает агентивное значение, указывая на то, что субъектом действия является 3-е лицо).

В неопределенно-личных предложениях дейктическое значение 3-го л. передается глаголом: *Говорили, что порошок, за грамм которого в Москве берут сто пятьдесят долларов, вообще никакой не кокаин...* (В. Пелевин).

В назывных предложениях главный член, выражаясь именительным падежом имени или количественно-именным сочетанием, указывает на объект речи, то есть передает значение 3-го синтаксического лица: – *Весна...* – *молвил сосед, вздохом и паузой приглашая к беседе.* – *Нева, Зимний дворец...* – *Перевел взгляд на противоположный берег.* – *Знал Петр, где строить город* (М. Веллер); 3-е синтаксическое лицо выражается главным членом в форме независимого род. п. гентивных предложений: *Крику!.. Крику-то матерного, отборного! – другой раз за год столько не услышишь...* (Т. Толстая).

Во многих предложениях дается указание одновременно на адресанта и адресата, а в ряде случаев отмечаются и объект речи (3-ьи лица), поэтому считаем целесообразным деление средств выражения дейктического значения на предикативные (основные) и непредикативные (вспомогательные). В двусоставных предикативных единицах основным средством экспликации дейктического значения являются личные местоимения и имена существительные в форме им. п. и финитные глагольные формы с формальным показателем лица

(*Вот я хожу пешкой и говорю: «Е-два, Е-четыре»* (В. Шукшин)); в односоставных предложениях – формы именительного и независимого родительного падежей имен существительных в именных предложениях (*Сизый туман. Рассвет...* (М. Цветаева)) и формальные глагольные показатели лица в глагольных предложениях (*Можешь демаскировать позицию, если кто сверху висит...* (М. Веллер)).

Вспомогательные средства выражения дейктического значения не связаны с формированием модели предложения. Так, в обеих частях сложного предложения – *Но, слава богу, стал мой взор и пронизательней, и строже, и каждый вздох и каждый взлет обходится мне все дороже* (Б. Ахмадулина) – вспомогательными средствами выражено дейктическое значение 1-го л. (*мой, мне*), основным является значение 3-го л. (*взор, вздох, взлет*); в первой части сложноподчиненного предложения – *Но, дорогой мой сосед, вся штука заключалась в том, что страх владел каждой клеточкой моего тела* (М. Булгаков) – вспомогательными средствами выражено дейктическое значение 2-го л. (обращение *дорогой мой сосед*) и 1-го л. (включение в состав обращения притяжательного местоимения *мой*), а основным дейктическим значением является значение 3-го л. (*штука*).

В объективном плане предложения особое место занимает агентивный аспект, отражающий отношение «деятель – действие».

Значение определенности, неопределенности и обобщенности лица обычно связывают с типами односоставных предложений. Не отрицая такой связи, считаем, что агентивное значение создается семантико-синтаксическим характером предложения и выявляется в контексте. При этом должны учитываться предикативные и непредикативные значения лица. Определенный, неопределенный и обобщенный агенс могут содержать не только одноименные типы односоставных предложений, но и двусоставные, безличные и инфинитивные конструкции, поскольку в условиях контекста предикативные единицы могут совмещать грамматическую форму одних типов предложения со значениями других.

Продуктивным средством репрезентации определенно-личной семантики являются одноименные односоставные предложения.

Нами разграничиваются понятия «определенно-личные предложения» как тип односоставных конструкций и «предложения с семантикой определенного лица» как предикативные единицы (двусоставные и односоставные), имеющие в своем составе указание на конкретный агенс: *Степа только в машине понял, что мог бы, наверно, и откататься. Или не мог? Гадать об этом было поздно – братья посадили его на переднее сиденье, сами сели на заднее и велели шоферу ехать в центр. Всю дорогу они тихо о чем-то спорили, продолжая начатый раньше разговор. Степа изо всех сил вслушивался в беседу, пытаясь догадаться, что его ждет и какие у братьев планы. Но об этом не было сказано ни слова* (В. Пелевин) – действие инфинитива *гадать* соотнесено с субъектом *Степа*, а не было сказано – с братьями (ср.: *об этом братья не сказали ни слова*).

Существуют различные способы выражения определенного агенса: морфологический, морфолого-синтаксический, синтактико-контекстуальный, интонационно-синтаксический.

На определенное лицо указывают аффиксы 1 или 2 л. глагола (морфологический способ): *Но не исключают, что через некоторое время **дойду** до состояния, когда **смогу** и даже **захочу** закусьвать самогон луком* (В. Пелевин).

Практически не отличаются по семантике от односоставных определенно-личных предложений конструкции с предикатом в такой же форме и личным местоимением-подлежащим: ***Ты** лучше **подумай**, почему это **ты** вдруг с мертвецом **разговариваешь?*** (В. Пелевин). Однако в подобных случаях следует говорить о лексико-морфологическом способе выражения определенно-личности, поскольку личные местоимения выражают конкретность агенса не какими-то определенными формами, а своим лексическим значением.

В предложениях с определенно-личной семантикой агенс может являться неучастником коммуникации и выражаться именем существительным или местоимением 3-го лица: *Вдруг **мать** тяжело **взметнулась** с пола, **тотчас** снова **осела**, **опрокинулась** на спину... и, **оскалив** зубы, как отец, **она** сказала страшным голосом: – **Дверь затворите...*** (М. Горький). Однако в лексическом значении отдельных имен существительных и местоимений заложена некоторая неопределенность или обобщенность, а иногда названные значения проявляются под воздействием контекста: ***Люди** говорят, что **ты** иногда **вмешиваешься** в их дела и **наказываешь** зло* (Ф. Искандер). В подобных случаях следует говорить о *грамматической* определенности предмета или лица, поскольку само лицо (или предмет) все-таки названо, однако говорить о том, что и семантика является определенно-личной, на наш взгляд, не вполне корректно: *Как бы человек ни владел собой, как бы хорошо ни был воспитан, вряд ли он сможет поддержать разговор при таком обращении к нему* (С. Альтов).

При морфолого-синтаксическом способе конкретный деятель выражается не именительным, а косвенными падежами личных местоимений и имен существительных. Предикативная форма представляет собой либо безличный глагол, либо вербод, либо инфинитив в сочетании с безличным глаголом или словом состояния: ***Мне б** только **руки помыть*** (В. Астафьев); ***И если тебе** удастся **загипнотизировать** клиента, **ты берешь** десять процентов от общей стоимости ролика* (В. Пелевин); *Кое-что в этой области **тобой** уже **сделано...*** (В. Пелевин).

Вербоды обозначают процесс, соотносящийся с агенсом, что объясняет факт невозможности образования причастий и деепричастий от безличных глаголов, то есть отношение к лицу имплицитно заложено в вербоидах.

В односоставных инфинитивных предложениях главный член не содержит указаний на лицо, однако агентивное значение выражает дативное дополнение, которое служит показателем отношения действия к 1-му, 2-му или 3-му лицу: ***Крутанись**, не **мне** тебя **учить*** (В. Пелевин); ***Кто ж** такую рекламу только **делает?** Допустим, **завтра** **соседу** в Новосибирск **лететь**. А ему **обещают**, что он в рай **попадет*** (В. Пелевин). Отсутствие субъектного дополнения «модифицирует значение персональности» [Лекант 2004], в таких предложениях другими средствами (интонация, контекст и т.п.) дается указание на

определенное или неопределенное лицо: *У Сережи появилась близкая женщина, которую он откопал целиком, чтобы изредка говорить с ней о сокровенном, а сокровенного к этому времени у него набралось довольно много* (В. Пелевин); *Ты чего, в Нью-Йорке полжизни кладут, чтобы только с правильными людьми встретиться за обедом, а у нас...* (В. Пелевин) – в самих инфинитивных предикативных единицах нет указания на потенциального агенса, однако из контекста следует, что это конкретное лицо (в первом случае *Сережа*) или неопределенное лицо (во втором примере придаточная инфинитивная часть зависит от неопределенно-личной главной, то есть потенциальное действие, названное инфинитивом, соотносится с кем-то из Нью-Йорка).

Нередко инфинитив выполняет функцию подлежащего, в этом случае процесс, названный инфинитивом, соотносится с лицом, на которое указывают субъектные второстепенные члены: *Андрей вдруг подумал, что для миллионов лучей это настоящая трагедия – начать свой путь на поверхности солнца, пронестись сквозь бесконечную пустоту космоса, пробить многокилометровое небо – и все только для того, чтобы угаснуть на отвратительных останках вчерашнего супа* (В. Пелевин).

Главный член безличных предложений имеет отрицательное отношение к грамматическому субъекту, но нередко в предложении имеется субъект семантический, указывающий на фактического (конкретного) деятеля: *...так ему хочется увидеть свой логотипчик по первому каналу, где-нибудь между «БМВ» и «Кока-колой», что хоть в петлю* (В. Пелевин).

Особое место среди вербондов занимают краткие причастия. Употребляясь со значением числа (в единственном числе – с грамматическим значением рода), краткие причастия указывают на грамматическую связь выражаемого ими процесса с лицом или предметом, являющимся подлежащим: *Само пространство, куда были направлены эти прежние взгляды (взгляд ведь всегда куда-то направлен), стало сворачиваться и исчезать, пока от него не осталось только микроскопическое пятнышко на ветровом стекле ума* (В. Пелевин). Краткое причастие *направлен(-ы)*, выступая в роли сказуемого, содержит признаки (род, число), которые осуществляют его связь с подлежащим (объект действия), соотносённость же действия краткого причастия с реальным лицом (субъектом) выражается только опосредованно: *И стал, наконец, вспомнута... и приписан консультантом при «пятерке» ПГУ непроизносимо-легендарный и как бы не существующий полковник Меркадор* (М. Веллер). Показателем реального субъекта действия, обозначаемого формой *приписан*, служит имя существительное в тв. п., выступающее в роли дополнения, ср.: *консультант приписал*.

Субъектные дополнения являются нормой в предложениях с безличными глаголами и словами категории состояния (как правило, в сочетании с инфинитивом): *Лифт не работал, и нам пришлось подниматься по темной лестнице...* (В. Пелевин); *Лично мне нужно жить, чувствовать, думать, делать...* (М. Веллер).

Нередко в качестве показателя деятеля используется субъектное обращение: *Тебе, Иван, учиться надо* (В. Пелевин).

Синтактико-контекстуальный (ситуативный) способ выражения предполагает отсутствие в предложении материально выраженных средств определенности лица и характерен для неполных предложений. В условиях конситуации пропуск конкретного агенса не снимает с конструкции определенно-личной семантики: *Слово [недовинченность – В.Л.] было жесткое, но точное. Николас сразу понял, что это про него, он и есть недовинченный. Болтается в дырке, имеющей жизнь, вертится вокруг собственной оси, а ничего при этом не сцепляет и не удерживает – одна видимость, что шуруп* (Б. Акунин) – из контекста следует, что агенсом в выделенном предложении является *Николас*.

Я плюнул и закинул удочку...

– *Клюет! Клюет!* – вдруг закричал *Вадим*. – *Боря! Не сти! Подсекай!* (Б. Левин) – из ситуации (действие разворачивается на рыбалке) следует, что *клюет рыба*.

Опущенным может быть второстепенный член, указывающий на определенного деятеля: *Чтоб не пропасть, действуй сама* (Д. Донцова) – на соотношенность действия со 2-ым лицом указывает форма императива *действуй*; *Весь пакет документов он подготовил лично, самостоятельно и сохраняя полную тайну информации... Документы были сделаны в двух экземплярах...* (М. Веллер) – на то, что *документы были сделаны* конкретным лицом (неучастником речи) указывает местоимение *он* в предшествующем предложении.

Если в контексте не названо лицо, на него указывают интонационно-синтаксические средства. Так, интонация побуждения является показателем отнесенности действия ко 2 лицу: *Лечь! Встать! Лечь! Встать! Лечь! Встать! Лечь! Встать! Все понял...? Лечь! Встать! Точно все понял? А теперь взял бутылку... и бегом на вид «Б»...* (В. Пелевин).

Неопределенность действующего лица выражают двусоставные и односоставные предложения.

Среди двусоставных наиболее частотны конструкции с неопределенными местоимениями в функции подлежащего: *Кое-кто на Западе полагает, что это колибри, но наши ученые опознали в них диких уток* (С. Альтов). Подобные конструкции не устраняют значения неопределенности деятеля, а показывают намерение говорящего обратить внимание на субъект действия, ограничить в какой-то мере действующее лицо указанием на одного деятеля, а не на неопределенное множество [см.: Бабайцева 2005]. Кроме неопределенных местоимений, подлежащее может быть выражено словами, которые имеют лексическое значение, не содержащее указания на конкретных действующих лиц, – это лексемы типа *люди, многие, они* и т.п.: *Многие видели тут женщин, бегущих в одних сорочках и кричащих страшными голосами* (М. Булгаков); *Из бюро пропусков меня чуть не прогнали, но я сказала, что мне обязательно нужно быть на аэродроме. Они посмеялись, но пропуск все-таки выписали* (В. Саянов).

Изосемическим средством экспликации неопределенности лица являются неопределенно-личные односоставные предложения. Их специфика выражается в степени и в характере устранения лица, в их функциональном назначе-

нии. По степени устранения личного оттенка неопределенно-личные предложения представляют собой промежуточное звено между личными и безличными. Неопределенность деятеля в неопределенно-личном предложении есть явление синтаксическое, так как определяется конструкцией предложения, контекстом или ситуацией и понимается по отношению к частично устраненному лицу как к реальному, но неопределенному субъекту, допускающему постановку вопроса *кто?*

Неопределенность деятеля в неопределенно-личном предложении имеет многообразные оттенки значений. Субъект мыслится как одно или несколько неопределенных лиц или как неопределенная группа лиц: *Если бы в те далекие годы ему сказали, что он, когда вырастет, станет копирайтером, он бы, наверно, выронил от изумления бутылку «Пепси-колы» прямо на горячую гальку пионерского пляжа* (В. Пелевин); *Вместо джипов, которые бьют о фонари, будут замки во Франции и острова в Тихом океане* (В. Пелевин).

Синтаксическая неопределенность деятеля не означает его реальной неизвестности, а служит показателем отвлечения действия от его производителя в целях актуализации самого процесса или события. В предложении могут быть второстепенные члены, очерчивающие круг лиц, среди которых есть и деятель: *А ведь трапеза была особенная, устроенная в честь наших британских гостей по случаю дня рождения ее величества английской королевы, которую в Семье называют просто Грэнни, искренне почитают и сердечно любят* (Б. Акунин), что только усиливает значение неопределенности.

Функциональное назначение неопределенно-личного предложения – констатация действия с проявлением безразличия к сообщению об агенте, что является основной причиной его частичного устранения; дополнительные причины представления деятеля неопределенным содержатся или в неизвестности действующих лиц, или в трудности или невозможности их перечисления, или в нежелании их называть по субъективным причинам.

Выделяется три типа неопределенно-личных предложений: *собственно-неопределенно-личные*, *отстраненно-неопределенно-личные* и *относительно-неопределенно-личные*, а внутри названных типов разграничиваются группы по способу выражения главного члена и отмечаются модальные разновидности.

Собственно-неопределенно-личные – предложения, в которых действие относится к действительно неопределенному лицу: *После гибели старого хозяина дверь эту закрыли на внутренний засов и пользоваться ею перестали* (А. Маринина).

Отстраненно-неопределенно-личные – предложения, в которых действие, выраженное формой глагола 3-го лица мн. ч., относится к говорящему. В подобных предложениях представлена стилистическая замена лиц, посредством которой адресант придает своему повелению или действию категоричный характер; говорящий намеренно отстраняет от себя действие, растворяя свое «я» в неопределенном лице: *Ты мне, девка, не дури! Предлагают – дак бери! Чай, к тебе не каждый вечер Ходят вдовы цари! Сей же час, я говорю, Собирайся к алтарю!* (Л. Филатов).

Относительно-неопределенно-личные – предложения, в которых действие, выраженное формой 3-го лица мн. ч., относится к 3-му лицу ед. ч. В подобных структурах лицо не называется по причинам субъективного характера: из-за боязни, вследствие неприязни, неудобства, особого отношения к нему – *Ну, а ты чаво молчишь Да медальками бренчишь? Аль не видишь, как поганют Государственный престиж? Нянька гнет меня в дугу, А министр - ни гу-гу!* (Л. Филагов).

«Затушевывание» деятеля достигается использованием возвратной формы глагола в пассивных конструкциях двусоставных предложений, ср.: *Окликать не стала, ... а посмотреть было любопытно, особенно после того, что говорили накануне про дарование Степана Трофимовича* (Б. Акунин) – *что говорилось накануне про дарование*. Возможность синонимии подчеркивает близость односоставных неопределенно-личных и двусоставных предложений. Возможна синтаксическая синонимия между односоставными предложениями именного и глагольного типа: *Официант, счет! Не могу здесь больше. Шумно* (ср.: *шум, шумят*), *душно* (Б. Акунин).

В некоторых случаях оттенок неопределенности содержат безличные предложения. Конструкции с возвратными лично-безличными глаголами могут выражать неопределенно-субъектное значение, указывая на неопределенное лицо, выступающее в роли агенса: *Я произвольно решил, что сажени, о которых говорится в грамотке, – это стандартная мера длины, известная со старинных времен и получившая повсеместное распространение с восемнадцатого века...* (Б. Акунин). Лично-безличные возвратные глаголы с безличным значением обычно допускают синонимическую замену личными невозвратными глаголами, ср.: *о которых говорят в грамотке*.

Обобщенность лица имеет в языке различное конструктивное воплощение, однако основным средством выражения обобщенности являются односоставные обобщенно-личные предложения: *На чужой стороне и сокола зовут вороной; Чужую беду рукой разведу, а к своей ума не приложу* (пословицы).

По форме обобщенно-личные предложения совпадают с определенно- и неопределенно-личными, однако причины невербализации субъекта иные: агенс не назван конкретно потому, что им может быть каждый или все люди вообще.

По степени устранения личного оттенка обобщенно-личные конструкции являются промежуточными между личными и безличными, причем предложения с формой 1-го и 2-го лица тяготеют к личным, а предложения с формой 3-го лица мн. ч. – к безличным.

Назначение обобщенно-личного предложения – представить общее положение, сентенцию и оценить или охарактеризовать какое-либо явление.

Наличие градаций в значении обобщенности дает возможность выражения дополнительных модальных значений, хотя они определяются в большей степени условиями употребления, ситуацией, а не структурой предложения [см.: Лекант 2004]. Различается неограниченная и ограниченная степень обобщенности лица: под ним может пониматься любое, всякое лицо, многие лица, все люди вообще. Обобщенно-личные предложения группируются нами по спо-

собу выражения главного члена (от более к менее частотным) и внутри групп на основе семантики выделяются подгруппы.

Обобщенно-личные предложения с формой 2-го лица ед. ч. глагола имеют две разновидности: *собственно-обобщенно-личные* и *отстраненно-обобщенно-личные*.

Собственно-обобщенно-личные предложения называют действие, относящееся ко 2-му лицу в обобщенном значении. Большая часть их оформлена как пословицы: *Чего хочешь, того и просишь* (пословица). Собственно-обобщенно-личные предложения могут быть вопросительными, однако вопрос является риторическим: *Разве тут найдешь виноватого?* (М. Горький).

Достаточно частотны предложения с глаголом в форме императива: *Где посадят, там и сиди; За правое дело стой смело* (пословицы).

Отстраненно-обобщенно-личные предложения называют действие, относящееся к говорящему. Такие предложения являются переходными от определенно- к обобщенно-личным, в них видна стилистическая замена лиц, применяемая для образной передачи событий, переживаний. В подобных случаях действие приобретает лишь некоторое значение обобщенности: *Посмотришь навстречу этому блестящему потоку – слезят глаза лучи сотен фар, посмотришь вслед – мигают, отражаясь в асфальте* (В. Пелевин).

Широко распространены обобщенно-личные предложения с формой 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения в составе сложных предложений с уступительным или условным значением: *Баба что горшок: что ни влей – все кипит; Тесть, как ни вертись, а за зятка заплатись!* (пословицы).

Предложения с формой 2-го лица мн. ч. изъявительного и повелительного наклонений обычно используются как обращения, призывы, советы, относящиеся ко всем лицам вообще, но нередко служат и средством описания событий, переживаний говорящего: *Я припоминаю в этом роде у Чернышевского: приближайте будущее, говорил он, переносите из него в настоящее сколько можете перенести* (К. Федин).

В языке активно функционируют обобщенно-личные предложения с формой глагола 1-го лица мн. ч. Они представлены конструкциями, которые нередко оформлены как устойчивые фразы, пословицы: *Чего в детстве просим, то под старость носим* (пословица). Обобщенно-личные же предложения с формой глагола 1-го лица ед. ч. малочастотны, что объясняется моносемичностью формы 1-го лица ед. ч.: *Чье кушаю, того и слушаю* (пословица).

Предложения с формой 3-го лица мн. ч. представляют собой абстракции, безотносительные к лицу, месту и времени действия. Они выражают вывод, общее положение, которые относятся ко многим лицам (при ограниченной степени обобщенности) или ко всем людям вообще (при неограниченной степени обобщения), не как к каким-то определенным или неопределенным реальным лицам действия, обозначенного в предложении, а как к потенциально подразумеваемым лицам. Личный глагол имеет обычно форму настоящего времени: *За ученого трех неученых дают, да и то не берут* (пословица).

Предложения с формой глагола 3-го лица ед. ч. с обобщенно-личным значением встречаются редко, что объясняется грамматическим значением формы 3-го лица ед. ч., которая «не может (или может только в исключительных

случаях) обозначать обобщенное представление о лице» [Виноградов 1986: 380]. Оттенок обобщенности лица с глаголом в названной форме наблюдается, как правило, в двусоставных конструкциях: *В любви, знаете ли, Володечка, только дуры и курицы гордые – и метцанки. Ах, скажите, она скорее умрет, чем пожертвует своей гордостью. Значит, не любит, если горда* (Ю. Герман). Подобные случаи системы не представляют, значение обобщенности в них выражено слабо.

В функции предиката обобщенно-личных предложений выступают и формы прошедшего времени. Обычно для выражения обобщенного лица берется форма мужского рода: *Чему учился, тому и пригодился* (пословица). Большая конкретность родового значения в формах женского рода, грамматическая омонимия (личность-безличность) форм среднего рода, конкретность временного значения форм мн. ч. – все это препятствует выражению обобщенности.

Обобщенность лица представлена и в ряде двусоставных предложений с личными местоимениями *ты, вы, мы*, с местоимениями *все, всякий, каждый, любой*, с некоторыми именами существительными в функции подлежащего: *Книга не принесет тебе радости, если ты не научишься углубляться в чтение* (К. Федин); *Одиночество ужасно, когда ты никому не нужен, и стоишь на улице, и тебя все обходят* (К. Федин). В русском языке нередки предложения, в которых совмещается значение неопределенности и обобщенности лица: *Если в обществе любят артистов и относятся к ним иначе, чем, например, к купцам, то это в порядке вещей* (А. Чехов). Некоторое значение обобщенности лица содержат и безличные предложения: *Не поел вовремя – обязательно тошнить будет* (Д. Донцова).

Если в предложении не представлены отношения «деятель-действие», то оно является дезагенсным.

Дезагенсное значение характерно для номинативных предложений: *Донецкая дорога. Невеселая станция, одиноко белеющая в степи, тихая, со стенами, горячими от зноя, без единой тени и, похоже, без людей* (А. Чехов).

Дезагенсными являются отдельные типы безличных предложений. В первую очередь, это абсолютно-бессубъектные предложения: *В лесу уже смеркалось, потемнело в кустарнике, почти темно стало в ольшаниковых зарослях, через которые она с трудом пробиралась* (В. Быков); в которых в роли главного члена выступает ограниченное число безличных (*рассветать, смеркаться* и т.п.) и лично-безличных глаголов с безличным значением (*моросить, светлеть* и т.п.), а также слов категории состояния, не сочетающихся с дателльным субъекта (*слякотно, тихо* и т.п.).

Не содержит агенса (ни имплицитно, ни эксплицитно) большая часть локативно-субъектных и дативно-субъектных безличных предложений.

Безличные предложения, в которых в качестве облигаторного члена присутствует локатив, совмещающий обстоятельственное и субъектное значения, делятся на две группы: 1) обозначающие состояние окружающей среды – *В фойе было тихо и темно, только чадила свеча на конторке у ночного швейцара* (Б. Акунин); 2) обозначающие психофизическое состояние человека – *На Федьке от страха намочил рубаха, в висках застучало, в пузе заурчало, тут, как говорится, и сказке начало...* (Л. Филатов). В предложениях 1-ой группы

носителем признака выступает пространство, «испытывающее» какое-либо состояние, в то же время «конкретизация пространства сопряжена с имплицитным – в пределах безличного предложения – указанием на субъект или субъектов, которые «там» и соотносят с собой и испытывают выражаемые безличными предикативами состояния» [Певнева 1996: 17]. В данном случае мы имеем дело с субъектами, которые сами никаких действий не производят, следовательно, предложения названной группы являются дезагенсными. Исключение составляет небольшая группа предложений с лично-безличными глаголами типа: *По небу вдалеке тяжело и неслышно прокатило и стихло* (Н. Лесков), *Сейчас у них в трубах с горячей водой обнадеживающе булькает. Иногда из кранов жителям удастся «выдавить» теплые струйки толщиной с карандаш* («Вечерняя Рязань»), которые мы квалифицируем как агентивные неопределенно-субъектные. Предложения 2-ой группы содержат локативный компонент, обозначающий соматизмы. Сам человек является субъектом-реципиентом, а значит, безличные предложения подобного рода являются дезагенсными: *Легко на сердце от песни веселой...* (Л. Лебедев-Кумач); *В животе у Игоря тихо и тягуче заныло* (М. Веллер).

Психофизическое состояние человека выражают дативно-субъектные предложения. Субъект в таких случаях пассивен, он лишь испытывает состояние, которое протекает под воздействием «каких-то сил»: *Кроме этого, на кровати были брошены косматая черная папаха, шапка с гравировкой «Петру Пустоме за доблесть», кобура с браунингом и саквояз фон Эрнена, при виде которого мне чуть не сделалось дурно* (В. Пелевин).

Часть дативно-субъектных безличных предложений выражает отношение субъекта к определенному положению вещей: *В запале я крикнул им: мать вашу, мол!. Но кибернетический гид мой Настолько буквально меня перевел, Что мне за себя стало стыдно* (В. Высоцкий). Подобные предложения относятся к дезагенсным.

К дезагенсным относится и большинство объектно-субъектных предложений, поскольку значение подобных конструкций связано «с самопроизвольными процессами в физической среде, направленными на объект, предикат при этом выражен переходными глагольными формами (*потряхивать, разорвать, засосать, качать*); с процессами внутри человека, формирующими его психофизическое состояние (*знобить, лихорадить, трясти*)» [Петров 2007: 207]: *Ее сильно трясло...* (Т. Устинова).

Безлично-гениитивные предложения частично являются дезагенсными (*Холодят мне душу эти выси, Нет тепла от звездного огня* (С. Есенин)), частично – агентивными (*Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких знаете, эдаких распоряжений...* (Л. Толстой); *В силу ряда обстоятельств, на которых у нас нет места останавливаться, каждый может ответить на этот вопрос только сам* (В. Пелевин); *А у нас спокон веков нет суда на дураков!..* (Л. Филатов)). Агентивными являются предложения, содержащие в составе причастие, инфинитив, отглагольные имена существительные, сам субъект-агенса в предложении может и не называться.

Безличные предложения инструментально-субъектные (*Вдруг горизонт залило нестерпимо ярким светом...* (В. Пелевин)), неопределенно-

субъектные (*Матвею велено дождаться ответа* (Б. Акунин)), безлично-результативные (*Более того, достоверно установлено, что в Дроздовку он почевать не вернулся* (Б. Акунин)), безлично-модальные (*Невозможно перечислить все бедствия, какие несет истребление лесов* (К. Паустовский)), безлично-оценочные (*Скучно каждый вечер слушать речи* (В. Высоцкий)) в основном являются агентивными.

Инфинитивные предложения не являются дезагенсными, несмотря на то, что форма главного члена не содержит указаний на лицо. В таких предложениях, как правило, имеется дополнение, отмечающее потенциального агенса: *К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить Вам* (А. Грибоедов); *Дочке в город уезжать...* (А. Твардовский). Даже неназванность потенциального субъекта не говорит о его отсутствии: агент либо известен из контекста (то есть определенный), либо неопределенный, либо (если вообще нет указаний) обобщенный: *Сейчас послать за Шуйским! Позвать его сюда!* (А. Пушкин); *Лежать было жестко* (М. Горький); *Высоко стоит луна. Даже шапки не докинуть* (С. Есенин).

Дезагенсными могут быть и двусоставные конструкции, например, предложения с именным типом сказуемого: *Был Федот ни красавец, ни урод, ни румян, ни бледен, ни богат, ни беден, ни в парше, ни в парче, а так, вообще* (Л. Филатов). Важную роль при экспликации агентивного значения играет тип связки. Так, в предложениях, в которых именное сказуемое включает незначительную или полужнаменательную связку, выражается дезагенсное значение: *...покойник был не без литературных способностей, но... характер у него был дрянь* (Б. Акунин); *...его потолок иногда становился таким низким, что приходилось нагибаться* (В. Пелевин). Если же в составе именного сказуемого связка знаменательная, то предложение нельзя считать дезагенсным, поскольку подлежащее в этом случае является агенсом, то есть производителем действия, названного знаменательной связкой: *На следующий день после премьеры молодой артист Коля Караченицов проснулся знаменитым...* («Огонек»).

В ходе анализа агентивного значения предложений с именным сказуемым отмечается важная роль именной части. Так, предложение не является дезагенсным, если вещественное значение сказуемого выражается причастием: *В 1876 году, 7 июля, в 8 1/2 часов вечера, мною была написана пьеса* (А. Чехов). Неназванность субъекта не говорит о его отсутствии, а указывает на неопределенность или обобщенность: *На другую ночь премьер-лейтенанту был прочитан приговор* (Ю. Герман) – агент не называется по причине его неважности; *Куда ни сунешься, всё уже изучено, расписано...* (Л. Улицкая) – агент мыслится как обобщенный.

Лексическое значение подлежащего и его морфологическое выражение практически никакой роли не играют, поскольку одно и то же слово может выступать и как агентивное подлежащее, и как дезагенсное. Подлежащее является агентивным в активных конструкциях, где сказуемое глагольного типа (*Мать сняла со шкафа тяжелый баян, поставила Славке на колени. Славка заиграл: «Вянет, пропадает»* (В. Шукшин)) или составное именное со знаменательной связкой (*Как часто по брегам твоим Бродил я тихий и туман-*

ный, Заветным умислом томим! (А. Пушкин)). В пассивных двусоставных глагольных предложениях подлежащее является дезагенсным, но предложение в целом дезагенсным не является, поскольку деятель назван дополнением в творительном падеже: *Вовек не позабудется народом Евфросиньюшка, посадская вдова* (Н. Некрасов). Отмеченное положение касается и предложений с составным именным сказуемым, в которых именная часть выражена причастием: *На воеводство был в лесу посажен слон* (И. Крылов).

Предложение обладает еще одним важным аспектом – оно носит объективно-субъективный характер. Объективный план предложения связан «с обозначением отношений между словами и словосочетаниями без указания на то, как эти отношения воспринимаются говорящим» [Ахманова 2007: 193], то есть передает реальное положение дел. Наряду с объективным планом существует и субъективный, который отражает оценку говорящим действительности. Последователи коммуникативного синтаксиса (Г.А. Золотова и ее школа), рассматривая вопрос о субъекте предложения, принимают во внимание его отнесенность к зоне диктума или зоне модуса. Так, диктумными признаются субъект базовой модели (субъект действия, субъект состояния, субъект качества) и субъект, оказывающий воздействие на объект, то есть субъект-каузатор: *Отец умер от тифа, он заболел еще на пароходе* (Б. Акунин); *Белый цит с выключателями разломали штыками юнкера...* (М. Булгаков), а к модусным субъектам относят говорящего и слушающего и субъекта-авторизатора: *Недавно я наткнулся на его фамилию в газете* (М. Веллер); *По мнению здешних учёных, этот провал не что иное, как угасший кратер; он находится на отлогости Машука, в версте от города* (М. Лермонтов). Благодаря категории лица выявляется совпадение/несовпадение диктумных и модусных субъектов: 1-ое лицо, указывая на говорящего, эксплицирует субъект модуса, который, будучи грамматическим субъектом, является и субъектом диктума. Подобная картина наблюдается при указании на 2-е лицо. 3-е же лицо, как правило, отмечает несовпадение диктумных и модусных субъектов. Таким образом, определенную роль в организации предложения как диктумно-модусной структуры играет лицо, поэтому считаем важным разграничение в категории синтаксического лица объективного и субъективного планов. Средствами выражения субъективного плана категории синтаксического лица являются местоимения, модальные слова и сочетания, междометия, частицы, а также структурно-синтаксические средства и интонация.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, доказывающие существование синтаксического лица как многоаспектной обязательной категории предложения, которая характеризуется специфическим содержанием и специализированными средствами выражения. Несмотря на предикативный статус, сущности синтаксического лица не сводится только к выражению предикативности. Синтаксическое лицо не тождественно лицу морфологическому, а выходит далеко за его пределы, вовлекая в свою сферу средства различных уровней языковой системы, объединяемые по принципу поля.

Дейкτικότητα является наиболее важной чертой синтаксического лица, поскольку именно дейктические координаты лица, времени и места являются основой для построения реальной картины мира. Лицо как дейктическая кате-

гория дифференцирует участников акта коммуникации (говорящего и собеседника) либо указывает на «третье лицо».

Агентивное значение, входящее в объективный план категории синтаксического лица, отражает отношение «деятель – действие», при этом деятель представляется определенно, неопределенно или обобщенно. При отсутствии отношений «деятель – действие» предложение признается дезагентным.

Синтаксическое лицо, являясь объективно-субъективной категорией, участвует в формировании диктумно-модусной организации предложения.

Синтаксическое лицо представляет собой явление, заключающее в себе обширную сферу языковой деятельности. По объективным причинам в одной работе невозможно детально осветить все стороны данной категории. Перспективы исследования видятся в изучении синтаксического лица в структуре сложного предложения, большой интерес представляет комплексное сопоставление лица в языках различных типов. В связи с тем, что данное исследование проведено в русле структурно-семантического направления, было бы весьма полезным соотнести накопленный традиционным языкознанием опыт с достижениями когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики и другими современными направлениями. Считаем, что непосредственное отношение к объекту данной диссертации имеют экстралингвистические средства, в частности, интонация, актуальное членение, явление референции, однако, на наш взгляд, это темы отдельных научных изысканий.

Публикации по теме диссертации

Монографии

1. **Лаврентьев В.А.** Категория синтаксического лица в современном русском языке. – Рязань: Изд-во «Сервис», 2011. – 356 с.

2. **Лаврентьев В.А.** Категория лица и категория личности-безличности глагола в современном русском языке. – Рязань: РГУ, Артикль, 2008. – 160 с.

3. **Лаврентьев В.А., Петров А.В., Нагорный И.А.** и др. Функционирование безличных предложений. – Архангельск: КИРА, 2009. – 156 с.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

4. **Лаврентьев В.А.** Лицо в различных частях речи // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – № 2. – 2007. – С. 24-30.

5. **Лаврентьев В.А.** Синтаксическое лицо в конструкциях с предикатом в форме изъявительного наклонения глагола // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – № 3. – 2008. – С. 45-51.

6. **Лаврентьев В.А.** Значение неопределенности лица // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – № 2. – 2009. – С. 42-48.

7. **Лаврентьев В.А.** Значение обобщенности лица // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – № 3. – 2009. – С. 35-40.

8. Лаврентьев В.А. Сколько категорий лица в грамматической системе современного русского языка? // Русский язык в школе. – № 10. – 2009. – С. 60-65.

9. Лаврентьев В.А. Синтаксическое лицо и вербоиды // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – № 2. – 2010. – С. 26-30.

10. Лаврентьев В.А. Синтаксическое лицо как многоаспектная категория // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – №10 (54). – 2010. – С. 76-79.

11. Лаврентьев В.А. Обращение как компонент поля синтаксического лица // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – №11. – 2010. – С. 185-189.

12. Лаврентьев В.А. К вопросу о поле синтаксического лица // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – №4 (96). – 2011. – С. 212-217.

13. Лаврентьев В.А. Средства выражения субъективного плана категории синтаксического лица // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – №1. – 2011. – С. 16-19.

14. Лаврентьев В.А. К вопросу о категории лица имени существительного // Вестник Череповецкого государственного университета. – №2, т. 2. – 2011. – С. 57-60.

15. Лаврентьев В.А. Односоставные предложения с деагенсным значением синтаксического лица // Вестник Тамбовского университета. – №5 (97). – 2011. – С. 272-278.

16. Лаврентьев В.А. Предложения со значением определенного лица // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – №2. – 2011. – С. 25-29.

17. Лаврентьев В.А. Дейктический аспект категории синтаксического лица // Ярославский педагогический вестник. – №3, т.1 (Гуманитарные науки). – 2011. – С. 179-183.

18. Лаврентьев В.А. К вопросу о предикативном статусе категории синтаксического лица // European Social Science Journal. – №3 (19). – 2012. – С. 257-264.

Статьи в журналах и сборниках

19. Лаврентьев В.А. Структурная сочетаемость безличных конструкций с тождественными и нетождественными главными членами в составе сложноподчиненного предложения // Типология языковых моделей: Сб. науч. тр. Вып. 2. – Рязань: Изд-во «РИНФО», 2000. – С. 133-138.

20. Лаврентьев В.А. Ограничения, накладываемые структурой сложного предложения на сочетаемость простых предикативных единиц (на примере сложноподчиненных предложений с безличной предикативной частью) // Типология языковых моделей: Сб. науч. тр. Вып. 2. – Рязань: Изд-во «РИНФО», 2000. – С. 150-155.

21. Лаврентьев В.А. Безличная семантика в сложноподчиненном предложении // Проблемы изучения языка и речи: Лингвометодический сборник. – Рязань: РОИРО, 2002. – С. 40-45.

22. Лаврентьев В.А. Простое безличное предложение и безличная предикативная единица в составе сложноподчиненной конструкции // Актуальные проблемы изучения языка и речи: Лингвометодический сборник. – Рязань: РОИРО, 2003. – С. 18-28.

23. Лаврентьев В.А. Структурно-семантические и валентностные особенности безличных предложений // Вестник РГУ: Научный журнал. – № 2 (12). – Рязань, 2005. – С. 75-79.

24. Лаврентьев В.А. Предикативные личные формы личных глаголов // Acta Linguistica. – Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2007. – Vol. 1, №2. – С. 14-24.

25. Лаврентьев В.А. Лицо глагола как основа спряжения // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное: Межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГОУ, 2007. – С.165-168.

26. Лаврентьев В.А. К вопросу о разграничении морфологических и синтаксических категорий (на примере лица) // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – № 142, т. 1. – Симферополь, 2008. – С. 434-437.

27. Лаврентьев В.А. Лицо и личность-безличность глагола // Русский язык: человек, культура, коммуникация. – Екатеринбург: УГТУ – УПИ, 2008. – С. 166-172.

28. Лаврентьев В.А. Глаголы, находящиеся в зоне переходности на оси «личность-безличность» // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – № 168, т. 2. – Симферополь, 2009. – С. 7-9.

29. Лаврентьев В.А. Лицо в системе глагольных категорий // Языковые единицы: семантика, структура, функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. – Коломна КГПИ, 2009. – С. 100-109.

30. Лаврентьев В.А. Категория лица и категория времени // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. XI. – Владикавказ: СОГУ, 2009. – С. 233-235.

31. Лаврентьев В.А. О составе категории лица русского глагола // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. Вып. 7. – Воронеж: Научная книга, 2009. – С. 52-65.

32. Лаврентьев В.А. Взаимодействие категорий лица и залога // Функциональная лингвистика. – №1, т. 2. – Симферополь, 2010. – С. 5-7.

33. Лаврентьев В.А. Междометия как периферийное средство выражения синтаксического лица // Структура и семантика языковых единиц: Сб. науч. тр. – М.–Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 131-134.

34. Лаврентьев В.А. Дезагенное значение категории синтаксического лица // Функциональная лингвистика. – №2, т. 1. – Симферополь, 2011. – С. 310-313.

35. Лаврентьев В.А. Персональные и неперсональные местоимения в поле лица // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГОУ, 2012. – С. 282-287.

36. Лаврентьев В.А. Относительно-вопросительные местоимения как средство выражения категории синтаксического лица // Функциональная лингвистика. – №3. – Симферополь, 2012. – С. 322-325.

Материалы конференций

37. **Лаврентьев В.А.** Семантическая сочетаемость безличных предикативных единиц в составе сложноподчиненного предложения // Русский язык: прошлое и настоящее: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. – Рязань: РГПУ, 2000. – С. 36-38.
38. **Лаврентьев В.А.** Безличная предикативная единица в сложном предложении // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Международной конференции. Т.2. – М.: «СпортАкадемПресс», 2001. – С. 292-297.
39. **Лаврентьев В.А.** Структурная и семантическая валентность безличных предикативных единиц // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: Материалы V всероссийской научно-методической конференции. – Воронеж: Научная книга, 2004. – С. 63-65.
40. **Лаврентьев В.А.** Безличные предикативные единицы: функционирование и взаимодействие // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Международной научной конференции. – Волгоград: ВолГУ, 2005. – С. 204-209.
41. **Лаврентьев В.А.** Категория персональности в современном русском языке // Русский литературный язык в контексте современности: Материалы Всероссийской научной конференции. – Ульяновск: УлГТУ, 2007. – С. 41-44.
42. **Лаврентьев В.А.** Употребление безличных форм глаголов // Язык и общество: проблемы, поиски, решения: Материалы международных научно-практических конференций научной сессии «X Невские чтения. – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008. – С. 64-67.
43. **Лаврентьев В.А.** Образование безличных возвратных глаголов от личных // Актуальные проблемы преподавания русского языка в вузе и школе: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Мичуринск: МГПИ, 2008. – С. 98-102.
44. **Лаврентьев В.А.** Переносное употребление личных форм глаголов повелительного наклонения // Актуальные проблемы теории и практики языка и литературы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию УлГУ. – Ульяновск: УлГУ, 2008. – С. 160-165.
45. **Лаврентьев В.А.** Значение лица в безличном предложении // Активные процессы в современной грамматике: Материалы международной конференции. – М.–Ярославль: Ремдер, 2008. – С. 135-138.
46. **Лаврентьев В.А.** Категория лица на разных уровнях языковой системы // Язык и общество: проблемы, поиски, решения: Материалы международных научно-практических конференций научной сессии «XI Невские чтения. – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. – С. 98-102.
47. **Лаврентьев В.А.** Категория лица: форма и значение (на материале сказки Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца...») // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы VIII Международной конференции. – Владимир: ВГГУ, 2009. – С. 172-175.
48. **Лаврентьев В.А.** Отношение к личности неспрягаемых форм глаголов // Аспекты исследования языковых единиц и категорий в рустике XXI века:

Сборник материалов Международной научной конференции: В 2 т. Т. 1. – Мичуринск: МГПИ, 2009. – С. 106-111.

49. **Лаврентьев В.А.** Категория лица: глагольная, местоименная и субстантивная // Русистика XXI века: традиции и тенденции: Сб. материалов Международной конференции. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2010. – С. 66-71.

50. **Лаврентьев В.А.** К вопросу о субъективном аспекте категории синтаксического лица // Материалы международных научно-практических конференций научной сессии «XIII Невские чтения». – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2011. – С. 129-137.

51. **Лаврентьев В.А.** О лексикографическом описании лингвистической терминосистемы // Наследие академика И.И. Срезневского и славянский мир: языки, культура, образование: Материалы Междунар. науч. симпозиума. – Рязань: РГУ, 2012. – С. 188-189.

52. **Лаврентьев В.А.** Отношение указательных местоимений *этот* и *тот* к категории синтаксического лица // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Язык и социальная динамика»: в 2 ч. Ч. 1. – Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2012. – С. 361-364.

Отпечатано в ООО «Полиграфия»,
г.Рязань, ул. Горького 102 Б
Усл. печ. л. 2,69. Тираж 120 экз. Заказ № 198